

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

18

Мюнхен - Сан Франциско
1980

О Г Л А В Л Е Н И Е

В. Кобылин. Независимость Зарубежья.	1
В. Пирожкова. Линия советской тактики.	3
Иосиф Мацкевич. С некоторым отклонением от темы. Отклик на статью Э. Оганесяна.	5
От редакции: И. Мацкевич.	9
Н. Нефедов. Совпатриоты за работой.	10
Ю. Дмитриев. Подмена истинного ложным.	14
А. Федосеев. Свобода или рабство.	16
Протоиерей Д. Константинов. Русская Православная Церковь в конце семидесятых годов (1977 — 1979 г.г.)	18
М. Т. Пятидесятилетие советско-китайского конфликта и трагедия Трехречья.	28
Владимир Рудинский. Обзор зарубежной печати.	32
Письма в редакцию:	
Письмо Б. Прянишникова.	36
Л. Фабрициус. Странный «юбилей».	36
Письмо Ариэль Коэн.	38
Информации:	
О смерти Его Высочества Князя Дмитрия Александровича	38
О концерте памяти писательницы И. Е. Сабуровой и поэта	
А. Перфильева.	39
Памятник Жертвам Ялты в Лондоне.	39

Перепечатка разрешается, но с указанием источника.

Письма для редакции и подписку
просим впредь направлять по адресу:
Dr. Vera Piroscow, Einsteinstr. 104/III
D-8000 Munchen 80, W. Germany.

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

МЮНХЕН

№ 18 Сентябрь 1980

САН ФРАНЦИСКО

В. КОБЫЛИН

НЕЗАВИСИМОСТЬ ЗАРУБЕЖЬЯ

В настоящей статье придется разобрать вопрос большого значения. Должно ли русское политическое Зарубежье принимать к сведению какие-то высказывания, порой граничащие с директивами, исходящими от людей, проживающих в Советском Союзе?

Можно ли, вернее, должно ли полагать, что эти люди могут считать себя вправе указывать какую-то линию поведения отдельным лицам или группировкам или печатным органам Зарубежья? Есть ли основания считать их достаточно компетентными и есть ли основание предполагать их полнейшую независимость от окружающей их среды? Ведь эта «среда» чрезвычайно сильна во всех случаях возможного воздействия на людей, отправляющих свои «пожелания» Зарубежью. Причем, эти «воздействия» могут носить очень разнообразный характер — от высылки в определенные места, как это было с Сахаровым, до ареста и заключения, как с о. Дмитрием Дудко,¹⁾ о. Глебом Якуниным и многими другими. Могут быть и другие случаи воздействия. Предполагать, как это неосторожно делают некоторые, что власть, дескать, ослабела и не в состоянии справиться с событиями, которые якобы густо нарастают, это значит, желаемое принимать за действительное. Это не значит, что нужно видеть во всем провокацию власть имущих в Советском Союзе, но слепо следовать всем направлениям, исходящими «оттуда» — это значит подвергать себя риску. Для политической эмиграции, а на это претендует известная часть русского Зарубежья, это исключено.

Эта статья написана по поводу следующего. Появившееся в «Голосе Зарубежья»

№ 17 короткое заявление с заголовком «К аресту о. Дмитрия Дудко» от 16-го января и подписанное четырьмя лицами: Вадимом Борисовым, Игорем Шафаревичем, Игорем Хохлушкиным и Леонидом Бородиным наводит на некоторые размышления. Прежде всего поражает менторский тон. Кроме того, высказываются личные предположения, выдаваемые за факты. Предположения четырех авторов, что «направленные против него статьи могли быть восприняты, как признак того, что сейчас защита его на Западе не будет слишком эффективной», чрезвычайно субъективны и не могут быть приняты всерьез. Дальше, в следующем абзаце есть место: «мы надеемся, что участвовавшие в ней попытаются искупить свою вину...».

Чем убедительней стараются «оттуда» увещевать некоторых представителей нашей зарубежной общественности и периодической печати, с дачей адреса и даже номера телефона, тем меньше это должно приниматься к сведению. Вопрос, здесь разбираемый, носит принципиальный характер и не имеет отношения к какому-либо отдельному случаю, будь это арест о. Дмитрия Дудко, выставка картин Глазунова или еще что-либо иное.

Политическая эмиграция не имеет права не замечать каких-либо неясностей или упущений. И, конечно, постскриптум в письме о. Дудко к митрополиту Филарету должен был быть проанализирован. Этот постскриптум поразил очень многих, в том числе и автора этой статьи.

Тут не лишне указать на то чувство очень большой ответственности, которая должна быть как у проживающих в Советском Союзе, так и у живущих в Зарубежье. Все высказывания как с одной, так и с дру-

¹⁾ О. Дудко освободили из тюрьмы сразу же после его выступления по московскому телевидению 20 июня с. г. (Прим. ред.).

гой стороны должны быть ясными, спокойными и лишены каких-либо личных выпадов.

Я полагаю, что если наша идеологическая непримиримость к коммунистическому режиму покоится на твердом убеждении порочности этого режима, то мы должны прежде всего явно отмежеваться от всей практики современной жизни в Советском Союзе и пробравшихся в Зарубежье явлений того же порядка. Я не буду указывать на те недопустимые по тону и выражениям статьи, которые регулярно появляются в некоторых органах зарубежной периодической печати. Преодоление того режима, который существует теперь в Советском Союзе, будет заключаться не только в политических переменах, но и в полном отходе от губительных навыков, от потери чувства достоинства и в восстановлении здоровой атмосферы нормальной общественности.

Но вернемся к основной теме настоящей статьи. Наше Зарубежье, как мыслимая политическая эмиграция, прежде всего должно быть абсолютно независимым от каких-либо влияний. Очень деликатный характер носит всякая связь с лицами, живущими в Советском Союзе и открыто неприемлющими режим, который властвует там 62 года.

Последнее время часто высказывается мнение, что режим этот не имеет той силы, которая была раньше. И на этом мнении основываются утверждения, что «там что-то нарастает» или что-либо в этом роде. Эмиграцию укоряют в том, что она «не отдает себе отчета в этом процессе».

Я думаю, что как раз в первые двадцать лет советской действительности там действительно существовала ситуация сопротивления властям предрежащим. Если мы вспомним гражданскую войну, Кронштадское восстание, Ярославское, Антоновское, волнения на окраинах и сопротивление крестьян при коллективизации, то можно, не обинуясь, сказать, что в те годы там действительно шла настоящая борьба.

Во время второй мировой войны, когда сдавались в плен крупные воинские соединения, насчитывавшие сотни тысяч людей, они этим самым, конечно, проявляли сопротивление ненавистной советской власти. И только губительная политика преступного маньяка с его приспешниками заставила советскую армию драться с оккупантами,

которые не освобождали от режима, как это говорилось в листовках и других пропагандных материалах, а методически уничтожали в лагерях военнопленных. Выдачи владовцев и советских граждан западными демократиями на расправу «родной власти» укрепили режим и ослабили внутреннее сопротивление населения.

После окончания войны прошло тридцать пять лет. За эти годы из-за попустительства и непонимания истинной природы коммунизма Западом Советский Союз достиг необыкновенных успехов в отношении распространения коммунизма на всех континентах нашей планеты. Военный потенциал Советского Союза настолько окреп, что он без особого труда использует это обстоятельство при насаждении всякого рода «братских» режимов после переворота при помощи распропагандированных и организованных воинских частей в разных странах. Делается это при помощи многочисленных «советников» или просто вторжением советских войск, как это было совсем недавно в Афганистане.

Если мы обратимся к истории, то мы увидим, что при успешных военных действиях и удачной внешней политике режим страны всегда крепнет. Революция в России стала возможной только из-за затяжной войны, когда значительная часть территории Российской Империи была занята неприятельскими военными силами.

И все враги, как внешние, так и внутренние, не допустили предполагаемого весеннего наступления крупного масштаба в 1917 году, которое предотвратило бы разложение тыловых частей в столице, кончившееся солдатским бунтом, переросшим в революцию.

Поэтому утверждения, что сейчас что-то нарастает в Советском Союзе, надо принимать с большой осторожностью. Население все 62 года, конечно, власть ненавидит. Иного отношения не может быть к режиму сатанинской сущности. Но утверждать, что власть слабеет, это значит — не понимать того, что эта самая «слабая» власть может в любое время прибегнуть к репрессивным мерам, которые коснутся всех, высказывающихся в Советском Союзе против существующего режима. Последние события это только подтверждают.

В. ПИРОЖКОВА

ЛИНИЯ СОВЕТСКОЙ ТАКТИКИ

Эмиграция, к сожалению, почти перестала ставить вопрос, в чем же в наше время заключается тактика советской власти вообще, и, в частности, по отношению к русскому Зарубежью, о котором советская власть никогда не забывала.

Интересно рассмотреть в этом смысле выступление о. Димитрия Дудко по московскому телевидению 20 июня с. г. В нем есть примечательные места. Он не только отрекся от всего, что писал раньше, не только вспомнил слова апостола Павла, что «нести власти еще не от Бога» и сделал из этих слов ложный вывод, что и богоборческой власти надо не только подчиняться, но и служить не за страх, а за совесть, он сказал и некоторое другое. Так, он заявил, что «Картер бряцает оружием», и под конец своего выступления сделал следующий призыв: «Теперь, когда есть опасность извне, нам всем нужно объединиться и делать одно дело со своей властью и своим народом, которые нам даны Богом и перед которыми мы все ответственны».

Слова эти, конечно, соответствуют тому, что от него хотели и требовали власти. Отметим сначала, что еще недавно, когда мы предполагали, что о. Дудко вынужден был под давлением написать те или иные странные строки, или что даже под его именем курсируют фальшивки, не им написанные, его страстные поклонники такую возможность категорически отрицали. Они утверждали, что о. Дудко никогда ничего под давлением не сделает, а если бы под его именем были пущены в ход фальшивки, то он бы их сразу разоблачил. Такие утверждения приверженцев о. Дудко исходили не из ложной оценки о. Дудко, которого мы не знаем, и о котором судить не можем, а из ложной оценки советской власти. Эти люди предполагали, что если власть пустит под именем о. Дудко фальшивки, то она ему же предложит прочесть и даст полную свободу разоблачить этой же властью сделанную фальшивку!

Поистине, советская власть действует уже 63 года у всех на виду и многими все еще не понята!

В этой связи мы так же хотим обратить внимание читателя на две вариации статьи, появившейся под именем о. Дудко и носящие один и тот же заголовок «Ночи бес-

сонные». Одна вариация этой статьи появилась в «Посеве» за июнь 1980 г., другая же вариация напечатана в «Русском Возрождении» № 9.

В обеих вариациях автор статьи старается 1) оправдать свой открытый призыв в печати тайно засылать эмигрантских священников и епископов в Сов. Союз. Несмотря на многословие статей, никакого конкретного ответа на основной вопрос: зачем нужно было печатать открыто, если засылать надо тайно, — в статьях не дается.

Затем оба варианта полны жалоб на травлю, которой о. Дудко якобы подвергся не со стороны советских органов, — эти последние были, наоборот, вежливы, — а со стороны части своих прихожан и части эмигрантов. О. Дудко также жалуется на широкий отход от него его прихожан.

Личные нападки в обеих вариациях статей имеются против двух лиц, против С. Л. Войцеховского и против меня. В обеих вариациях имеется лживое утверждение, что С. Л. Войцеховский и я называли о. Дудко «агентом КГБ», даже делали это «рьяно». На самом деле, я со своей стороны высказала только недоумение относительно странного письма о. Дудко митрополиту Филарету и по поводу не менее странного для священника мнения, что национальность важнее веры, высказанного им в его хвалебной статье, посвященной художнику Илье Глазунову.

Так что утверждение, что я называла священника Дудко агентом КГБ — чистая клевета на меня. А клеветать, как написал в той же статье тот же священник Дудко, все же нехорошо.

На этой клевете о. Дудко строит другую, еще более отвратительную клевету, хотя и высказываемую в виде предположения. Логическое заключение следующее: С. Л. Войцеховский и я называли священника Дудко агентом КГБ, значит мы сами — агенты. Однако первая посылка силлогизма этого священника — ложь. Вторая отпадает сама собой, не говоря о том, что разговор по форме: «ты — дурак» — «сам дурак», вряд ли отличается оригинальностью.

Но есть и другой аргумент, почему мы можем быть агентами: нас КГБ еще не убило, хотя мы воюем против коммунизма. За

подтверждение, что мы против коммунизма воюем, — даже спасибо о. Дудко. А что касается до угрозы убить, то, что ж, может быть, и убьют, в конце концов.

Нам только интересна психология редакторов журналов, напечатавших эти вариации. Почему они этот аргумент не обтят к самим себе? Их тоже еще не убили, значит... Или они считают, что против коммунизма они не воюют?

В вариации, напечатанной в «Русском Возрождении», есть и еще одно обвинение против нас, отсутствующее в вариации посевской. Мы, мол, агенты сионистов! Ну до чего же знакомым языком советской пропаганды заговорил священник Дудко!

Все это мусор бессовестной и нелепой клеветы. Но в одном месте есть и ответ на то, что я действительно писала, а не на то, что мне приписано автором обеих вариаций. Я предположила, что свое странное письмо митрополиту Филарету о. Дудко написал под давлением властей (за что ни одного подсоветского человека осуждать нельзя). И вот на это он дает весьма резкий ответ: «Войцеховский и Пирожкова, слушайте, ни на какую сделку я не иду!» («Р.В.» № 9, стр. 124). В «Посеве» эта фраза отсутствует.

Нет? Не идете? А ваше выступление по московскому телевидению 20 июня с. г. и покаянное письмо в «Журнале Московской Патриархии»? Это не сделка? Но тогда — тем хуже для вас. Если о. Дудко не под давлением выступил по московскому телевидению, а совершенно свободно и добровольно, то вывод может быть только один.

Но, с другой стороны, легко ли представить себе, что священник в далеком Гребневе пишет две вариации одной и той же статьи и тонко рассчитывает, какую вариацию в какой эмигрантский журнал послать? Легко ли себе представить, что, отрезанный от западной жизни, замкнутый в СССР, священник изучил характеры редакций разных журналов в эмиграции и знает, что в одном журнале напечатают более грубые клеветнические выпады, а для другого надо писать вариацию поделikatней?

Нет, все это представить себе очень трудно. Не священник Дудко, а кто-то совсем иной писал обе эти вариации. Их писали люди, которые в самом деле знают досконально эмигрантскую сцену, те люди, которые особенно яростно ненавидят принципиальный антикоммунизм Войцеховского, Пирожковой и ее журнала. Каждому должно быть ясно, что это за люди.

Отметим, кстати, что в том же

«Русском Возрождении» № 9 появилось очень странное сообщение, что какой-то материал под заголовком «Что пишут?» появился в предыдущем, еще парижском, номере их журнала без ведома редакции. Там была моя фамилия и ссылка на «Голос Зарубежья». По описанию нельзя сказать точно, что это такое, но под таким заголовком и в рамке был выпад против меня и «Голоса Зарубежья» в парижском журнале А. Сиявского «Синтаксис». Да, определенным людям очень не нравится наш антикоммунизм.

Но вернемся к смыслу высказываний московского выступления о. Дудко. Спросим себя, зачем советская власть вложила отцу Дудко в уста слова, что «Картер бряцает оружием» и есть опасность извне, причем, видимо, она исходит от США, а вовсе не от красного Китая. Власть хотела, чтобы в этом выступлении было указано на Картера, а не на китайских коммунистов.

С этим заявлением был связан призыв объединяться вокруг «своей» советской власти. Понятно, что власть хотела бы, чтобы вокруг нее объединялись. Но к кому в первую очередь обращен этот призыв?

Одни думают, что он был сделан преимущественно для внутреннего употребления. В народе сильно недовольство агрессией в Афганистане, поэтому власти хотелось, чтобы популярный священник сделал призыв объединяться вокруг этой власти. Может быть, прихожане и последователи о. Дудко послушают этого призыва?

Другие же считают, что в народе о. Дудко никогда не был так популярен, как среди эмиграции. Поэтому его обращение направлено в адрес эмиграции, чтобы попытаться создать среди нее движение типа младороссов или даже совпатриотов. Существует, мол, опасность извне, надо поспешить на помощь государству, каково бы оно ни было. Трудно сказать, найдутся ли в эмиграции люди, которые поддадутся этому призыву, но несомненно, что совпатриотические настроения распространяются подспудно в эмигрантских кругах.

В том же духе пытаются действовать и анонимки, которые рассылаются эмигрантам и в которых рассказывается о какой-то «московской инициативе». Анонимная группа жителей Сов. Союза якобы намерена подать в Верховный Совет СССР заявление с просьбой разрешить образовать беспартийный форум, где лояльно будут обсуждаться разные вопросы. То есть создать нечто вроде лояльной оппозиции «его величеству»

советскому режиму или же «блока коммунистов с беспартийными».

У этой анонимной «московской инициативы» появились уже столь же анонимные зарубежные друзья, которые уговаривают эмигрантов писать советским сановникам и просить их поддержать эту «московскую инициативу». Иными словами, эмигранты этими письмами должны включиться в лояльную оппозицию, оставив свой былой принципиальный антикоммунизм.

Анонимные друзья возвещают, что народ не хочет ни в коем случае восстания или вообще насильственного свержения советского режима, а фронтальная борьба против коммунизма оказалась якобы неэффективной.

Поэтому надо, мол, «переменить тактику», перейти на вот эту самую лояльную и верноподданническую «оппозицию».

Опять-таки авторы этих анонимных пос-

ланий совершенно ясны. Интересно только, какие имена выплывут в Сов. Союзе и в эмиграции, скрывающиеся за этим, пока анонимным, «пением сирен».

Интересно только отметить, что эти слова о «перемене тактики» нам приходилось слышать задолго до появления анонимок и от людей, антикоммунизм которых был прежде вне сомнения. Видимо, «пропаганда шепотком» начала работать уже раньше. И некоторые ей наивно поддались.

В общем линия советской тактики теперь довольно ясна: отвлечь эмиграцию от принципиального антикоммунизма, совлечь ее на линию беззубой лояльной оппозиции советскому режиму и, если удастся, хоть часть эмиграции перевести на линию советского патриотизма. Всего этого хочет советская власть. Задача эмиграции не попасться на эту удочку и противостоять соблазнам.

ИОСИФ МАЦКЕВИЧ

С НЕКОТОРЫМ ОТКЛОНЕНИЕМ ОТ ТЕМЫ

ОТКЛИК НА СТАТЬЮ Э. ОГАНЕСЯНА

«МОЖЕТ ЛИ ТЕРРОР БЫТЬ СПРАВЕДЛИВЫМ?» в № 17 «Голоса Зарубежья»

Статья Э. Оганесяна затрагивает злободневный вопрос. В ней спрашивается: возможен ли «справедливый» террор? Статья сама по себе хорошо написана и интересна, особенно в ссылках на исторические примеры. «Терроризм как таковой, который считается почему-то типичным явлением «нашего времени», — существовал всегда, что и подтверждено автором, который, однако, в своей оценке недостаточно подчеркнул релятивизм. Ибо террор как действие является составной частью борьбы, на зло или на благо. А когда на зло, когда на благо? И в этом суть вопроса, который вряд ли может быть решен современниками, видевшими добро в том, в чем другие усматривают зло и наоборот. Поэтому задача оценки не может быть никогда решена единогласно.

Существует ли террор «справедливый» или «дозволенный», как, например, правила войны? — спрашивает автор. Опять-таки по субъективному усмотрению ведущих борб-
бу сторон.

Так, например, будущий диктатор Польши, Иосиф Пилсудский, совершил в 1908 г. нападение на денежный поезд с целью пополнения партийной кассы польских социа-

листов. По тому времени — явный разбой. Но впоследствии, когда он стал главой польского государства, случай этот стали считать проявлением его личной доблести. — Иосиф Сталин совершил в те времена террористический налет на банк. Но ставши одним из самых могущественных властителей земного шара и сидя, скажем, на конференции в Тегеране 1943 года в компании коллег по могуществу, Черчилля и Рузвельта, не опасался с их стороны отрицательной оценки своего давнего поступка или даже намек на него. Смешно бы было, неправда ли? Т. е. никому и в голову бы не пришло. И не приходится.

Оганесян начинает с факта, что в 1921 году суд в Берлине оправдал армянина за покушение на бывшего премьер-министра бывшей Турецкой Империи, ибо тот был инициатором и организатором погрома («геноцида»), при котором пало жертвой полтора миллиона армян.

Хуже пришлось Борису Коверде. Он застрелил в 1927 году советского посла Войкова в Варшаве за то, что Войков соучаствовал в убийстве царской семьи. Убита тогда была женщина, царица; девочки, до-

чери; наследник, мальчик, на коленях у отца. Император Николай II был, впрочем, двоюродным братом царствующего короля Великобритании. Негодование общественного мнения в мире было велико. Но в 1918 году никто и пальцем не пошевелил. Юный гимназист Коверда оказался единственным мстителем того террористического злодеяния. За свое отмщение был приговорен к долголетнему заключению.

А если б турецкий премьер был в 1921 году не «бывший», и Турецкая Империя не «бывшая», а государством, связанным с Германской Республикой политическими и хозяйственными интересами?.. Вряд ли стреляющий армянин был бы оправдан берлинским судом. — Дела этого рода принадлежали всегда к делам относительного порядка.

Тут мы приближаемся к добавочному вопросу, а именно: «контртеррора» в борьбе с существующим порядком, установленным «террором». — Осложнение ввела, особенно после Второй мировой войны, навязанная нам семантика, по которой термин: «революция» считается чем-то положительным, а «контрреволюция» — отрицательным. Но мы знаем, что большинство успешных революций достигает свою цель при помощи террора. В таком случае должна, казалось бы, быть оправдана и контрреволюция, устраняющая существующий террор. Даже при помощи контртеррора, если иначе достичь цели невозможно. Да, казалось бы, логично. Но при господствующих в мире взглядах с логикой не все в порядке, и примечается она тоже по своеобразному усмотрению.

Так, например, антигитлеровские террористы последней войны окружены ореолом героизма. Перед ними склоняются знамена. Антисоветские же террористы обречены — даже такой человекозащитницей как Amnesty International — на милость и немилость коммунистического правосудия. Они исключены из-под защиты западного милосердия, если пытались свергнуть у себя господствующий строй силой. Почему так? Ведь давно до Гитлера Ленин первый ввел концентрационные лагеря; ведь по некоторым подсчетам советский строй виновен в гибели около 60 миллионов людей. Скажем, подсчеты преувеличены. Вероятно. Но и половинки хватит на название: «геноцида». Впрочем, и гитлеровский геноцид, вероятно, преувеличен, как это бывает при такого рода подсчетах. Да разве дело только в количестве? И только в физическом умерщвлении человека? А террор, умер-

щвляющий свободу мысли, слова, передвижения, свободу личности человека? Если этого террора устранить нельзя иначе как единственно при помощи контртеррора, применения насилия? — По отношению к коммунизму запрещено прибегать к таким мерам. Где же в таком случае надежда на избавление? На устранение террористической власти?

Нам отвечают: в «защите прав человека» мирным путем.

Разрешите коснуться щекотливой темы. Чем страшен коммунизм? По-моему, не тюрьмами, не убийствами, не концлагерями. Это и бывало, и происходит в других странах тоже. Он страшен прежде всего разложением человека, подчас до состояния духовной тряпки. Но вот первый глашатай несопротивления насилием — «ни ножом, ни мечом, ни винтовкой» — Солженицын, в его Гарвардском выступлении высказывает противоположное: «...За шесть десятилетий наш народ, за три десятилетия — народы Восточной Европы прошли духовную школу, намного опережающую западный опыт. Сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучная, регламентированная жизнь Запада...» — А в другом изречении («В. Р. Х. Д.»): «...такого умудренного сердца на Западе нет...», и т. д.

Казалось бы, за чем дело стало? И какие мы, антикоммунисты, плохие люди!... Противодействуем, вместо того чтобы поспособствовать распространению коммунизма на весь мир, дабы и другим народам дать возможность вкушать счастье той жизни, которая производит людей «более глубоких, характером более сильных и более интересных»... Еще 60 лет, еще 30 лет, еще под коммунизмом..., и люди таким образом превратились бы в настоящих «Übermensch». Не так ли выходит по Солженицыну? Казалось бы, дай ему здоровья за благоприятную весточку...

Я не вправе принуждать кого-либо разделять мое мнение. Но вправе высказать собственное, используя так называемую «свободу слова» которой мы в «свободном мире» по закону не лишены. Итак, по-моему: Солженицын говорит сухую неправду. Жизнь в коммунизме в первую очередь наводит безмерную, беспримерную, безнадежную скуку своей принудительной шарманкой повседневной лжи и превращает жизнь в прозябание.

И свободный мир, то ли по своей, приписанной ему Солженицыным, тупости, то ли каким-то чутьем не хочет-таки вводить у себя коммунизма, наперекор всем проводникам советского влияния. Он все еще сопротивляется. Да, легко сказать, но как на деле избавиться от надвигающегося кошмара? Ведь скоро уже половина земного шара — открыто или с «черного хода» — будет проникнута бациллами коммунистической заразы. Перед заразой защищались до сих пор действенным истреблением ее очагов. Это — общепринятое правило. Но в данном случае оно равнялось бы военным мерам против очагов коммунистической инфильтрации, а в первую очередь войне с Советским Союзом. Войны же никто не хочет. Войны все боятся. Слово: «война» изъято из лексикона международного обращения. Мало того, она считается величайшим преступлением. Какой же из этого положения может быть выход? Капитулировать? Или существует еще какая-нибудь другая альтернатива? Да, существует. Хотя появилась не так давно.

Советский Союз, население которого на 90% ненавидит советский строй, по опыту последней войны знающий о том, что его спасло от полного уничтожения лишь чудодейственность идиотского (это не ругательное, а точное определение) и преступного поведения Гитлера, более других стран опасается войны. И вот он изобрел эту альтернативу для пользования ею Западом: «Эволюция», происходящая якобы внутри коммунистического блока. Замысел сам по себе не новый. Но если до сих пор, в особенности же после разоблачения провокации Г.П.У. — «Треста», и были серьезные сомнения относительно возможности возникновения таковой, то теперь, после изобретения «диссидентизма», их уже не стало.

Вдруг весь западный мир оказался наводненным «диссидентами» из Советского Союза, из Польши, Чехословакии, Г.Д.Р., Венгрии и т. д., которые отовсюду вытеснили и — как говорит немецкая поговорка: «взяли ветер с парусов» не только у эмигрантов первой и второй волны, но и у всех прочих антикоммунистов. Поддерживаемые левыми интеллектуалами всех наций и «еврокоммунизмом» последней моды, они овладели и «слева», и «справа» общественным мнением свободного мира. «Плюрализм» у них настоящий. Разного вида и цвета, на любой вкус. Зато все единодушны в том, что как бы ни плох был коммунистический режим, его нельзя ни под каким предлогом,

ни в коем случае свергать насильственно. Ни войной, ни террором. В Польше, например, насчитывается около 40 «внецензурных» изданий различного уклона. Все до единого, без исключения, согласны с тем, что насильственное свержение строя обратилось бы во «всенародное бедствие». Не существует такой группировки «диссидентов», которая была бы за подполье или, Боже сохрани! — за террор. Словом, от Солженицына до последнего Плюща, от Сатоллического заправили в Кракове Киселевского; Сахарова в Москве (Горьком), половина или три четверти из которых — бывшие члены партии, все голосят одно: «ни ножом, ни мечом, ни винтовкой!» Только преобразования и исключительно мирным путем!

И Западный мир, наконец-то, смог вздохнуть облегченно: наконец-то, нашлась развязка, не требующая применения военных мер. Там происходит «мирная эволюция». Ура, ура, ура! Мы спасены. И коммунистический мир вздохнул облегченно: Во-первых, антикоммунистов всех стран превратил в «оппозиционеров», но исключительно миролюбивого толка. Во-вторых, придал им нечто вроде прежнего «совпатриотического» налета, только без пролития «родной крови»; а та ценится выше всего. Тут открыта уже форточка, хотя и косвенно, но по возможности к «попутничеству». («Интересы государства» как такового. Ведь и советчики не желают ни «расчленения» родины, ни захвата их земель другими). В-третьих, если стать последовательно на точку зрения «эволюции», то из нее логично следует, что советская власть в этом случае является как бы историческим продолжением «России». Что, в свою очередь, небывалый феномен коммунизма превращает в нечто бывалое, знакомое историческое явление, не отличающееся от других, национальных «империализмов». Значит не какая-то сверхнациональная «зараза». Другими словами, ведет к отождествлению Советского Союза (блока) с «Россией». Т. е. уменьшает в глазах свободного мира угрозу со стороны интернационального коммунизма. Таким образом, идея международного антикоммунизма попадет в тупик. И, в-четвертых, наконец, — (а на практике один из главнейших моментов) — избавляет коммунистический блок от распространенного в Западном мире терроризма.

И вот открыт «мирный путь». Коммунистический блок, опасаясь войны, стремится

овладеть земным шаром «мирным путем». Одним из «мирных» средств, употребляемых для покорения Западных стран, является разжигание и поддержка в этих странах террористических актов.

**

Вернемся к замечательной статье Э. Оганесяна. Возможно ли с ним согласиться, что: «В наше время»... терроризм стал составной частью общественного бытия? Ведь террористы орудуют лишь в части земного шара, а именно только в той, которая осталась свободной от коммунистического строя, а в той, где господствует коммунизм, (контр-)«терроризма» не существует? Напротив: он там единодушно проклят и коммунистической (террористической) властью, и свободным миром. Значит, он не всеобщее явление «нашего времени», а лишь одностороннее. Кто же заинтересован в этой односторонности? Мне кажется, что с одной стороны, обворование словом миролюбие (во что бы то ни стало!) свободного Запада, а с другой «миролюбие» (в кавычках) коммунистического блока.

Международный коммунизм стремился всегда и стремится в дальнейшем завладеть земным шаром. Для достижения этой цели все средства оправданы. Лишь бы, — как сказал Ленин, — они оказались успешны. Опасаясь внешней войны с Западом, он заинтересован во внутреннем расшатывании свободного мира. Невозможно в краткой статье перечислить все средства, употребляемые для достижения этой цели. Рядом с подстрекательством и поддержкой всяких «освободительных» войн и «антиимпериалистических» движений в Азии, Африке, Америке и т. д. — заинтересован в поддержке всякого рода волнений на территориях свободного мира. Будь это «палестинцы» на Ближнем Востоке, Кадафи в Ливии, ирландцы-католики, баски в Испании, «Тупамаросы» в Южн. Америке, всяческие «красные бригады» в Зап. Европе и проч., и проч., и проч. Таким борцам нет счета. Слышно, будто даже хорватские националисты обратились за помощью к Москве...

Разумеется, смешно было бы утверждать, что за каждым из террористов на Западе скрывается вдохновитель из КГБ. Существует, конечно, немалое количество независимых от коммунистического центра политических групп, прибегающих к терроризму. К ним примыкают еще и обыкновенные уголовники. Но все они вместе взятые составляют т. наз.: «террористическую сце-

ну», и в какой-то степени расшатывают устои и законы Свободного мира.

Конечно, автор прав, что самое страшное в формах этого «бунта», как идеологического, так и уголовного, это то, что гибнут зачастую совершенно невинные люди, непричастные «заложники», в том числе даже дети... Нет, цель не оправдывает средств. Это так. Несомненно: не все средства. Но мне кажется, что не оправдывает также там, где целью ставится: «мир любой ценой!»... И автор справедливо замечает, что в политическом и идейном маразме «сосуществования» с очагами коммунизма во что бы то ни стало, где «разрядка» — («она нам нужна как воздух!» — писал виднейший «диссидент») — ставится выше всякой моральной ценности, правды, свободы, справедливости и стала священнейшим долгом человеческого стремления... — только выстрелы производят впечатление. С ними считаются. Так на практике. Но не разговор вроде: «жить не по лжи». Ибо если применить эту формулу, например, к советской действительности, то она явится пустой болтовней, чистейшей утопией. В стране, построенной на абсолютной лжи, жить не по лжи само собой исключается. Ты свергни сперва этот лживый строй, а лишь после призывай к жизни «не по лжи». Но не наоборот. Пустыми словами этого не достигнуть. Тем более, призывая одновременно к — не свержению насильственно.

Э. Оганесян приводит примеры из долголетней борьбы армянского народа и ставит вопрос: «может быть, неправильный был прежний миролюбивый путь? А нужно было: только стрелять и кричать: Верните нам Родину!»?... (Свободу) — Действительно, вопрос злободневный. — Расширяя тему, я бы добавил: ...Свободу всего человечества от нависшей над ним угрозы тотальной несвободы.

Я не уверен зато в правильности заключения автора. Решая поставленный им вопрос и ссылаясь на упомянутый уже берлинский суд, оправдавший в 1921 году стрелявшего армянина, он пишет: «стрелять так, чтобы... оправдал суд...» — Какой суд? Где суд? Понятие сомнительного свойства. Так, например, в 1946 г. мы имели дело с действительно всемогущим, международным судом в Нюрнберге. Его решения обязывают по сей день. Судили «немецких военных преступников». Но преступник явно похуже обвиняемых, большевик, оказался не на скамье подсудимых, а в креслах маститых судей держав-победительниц... Так и оста-

лось в моральном смысле. Рудольф Гесс, не убивший лично ни одного человека, отсидит по осуждению суда пожизненное заключение при одобрении всего мира. А вот его ровесник, Тито, виновник убийства многих десятков тысяч людей, президент Югославии, окружен всемирным сочувствием по поводу тяжелой болезни *). И воздвигнут ему грандиозный памятник. Наверно.

До чего же довели нас нюрнбергские приговоры? А ведь был высочайший суд, созданный во имя человеческой справедливости. Катынские массовые убийцы разгуливают беспечно, они не наказаны. И хотя

*) Статья была написана до смерти Тито.

весь мир их знает по имени и большевистскому отчеству, все же боится даже указать на них, дабы не попасть под обвинение в «возврате к холодной войне».

Нет, суд современных вершителей судеб мира в данном случае, т. е. по делу борьбы за освобождение народов от кошмара «дед-танта» с коммунистическим террором — не судья. Если уж надеяться на оправдание в этом деле со стороны какого-либо суда, так скорее Суда Истории. Он сумеет отсеять мякину «терроризма» от справедливой борьбы со Злом. А бороться со Злом надо. И тут-то как раз: во что бы то ни стало. «И ножом, и мечом, и винтовкой». Таково мое мнение.

ОТ РЕДАКЦИИ:

И. А. МАЦКЕВИЧ

Известный польский писатель Иосиф Мацкевич стал лауреатом премии, учрежденной в Лондоне популярной польской фирмой «Тазаб». Эта фирма известна тем, что она поддерживает польскую эмигрантскую литературу. Жюри присвоило И. Мацкевичу звание: «Самый независимый польский писатель в эмиграции».

Непосредственным поводом для присуждения премии был выход в свет второго издания его нашумевшего романа на польском языке «*Nie trzeba glosno mowic*» («Не надо — об этом — громко говорить»). Первое издание этой книги, вышедшей в свет в 1969 г. в издательстве парижской «Культуры», было распродано в течение полугода! Книга вызвала целую бурю. С одной стороны — бурный восторг, с другой — особенно со стороны варшавских коммунистов — бешеные нападки и истступленную ругань. К этим нападкам присоединилась и часть бывшего польского подполья, в настоящее время эмигрантов на Западе. Ибо Мацкевич обрисовал в этой книге события на восточном фронте во время Второй мировой войны, а также немецкую оккупацию и Власовское движение не по распространенному черно-белому шаблону, а вполне объективно.

Теперь этот роман вышел вторым изданием в издательстве «Контра» в Лондоне, основанным известным польским писателем Шиманом Шехтером и его женой Ниной Карсовой. Их необыкновенный побег из

красной Польши прошумел в свое время во всей западной прессе.

Но награжден И. Мацкевич не только за одну эту книгу, а вообще за всю литературную деятельность. Его книги вышли в свет на 8 языках. На многие языки была переведена его книга о Катынском преступлении. В 1943 г. автор лично участвовал в раскопках тел убитых в Катыни польских офицеров. В 1952 г. он предстал перед американским конгрессом в качестве свидетеля и эксперта по расследованию катынского преступления.

На многие языки была переведена его книга о выдаче казаков. В Германии она недавно вышла новым изданием под заголовком: «*Tragodie an der drau*».

Так же на многие языки были переведены романы «Дорога в никуда» и «Дело Мясоедова». В книге «Победа провокации» автор проводит чрезвычайно глубокое исследование стратегии и тактики коммунизма и констатирует, что нынешний СССР — скорее противоположность прежней России, чем «продолжение русского империализма», как утверждают враги России. Эта книга вышла, к сожалению, только на польском и на немецком языках. Всем, кто владеет одним из этих языков, мы настоятельно советуем прочесть эту умную книгу.

Чрезвычайно важна также его книга «*Lewa wolna*» («Левая сторона свободна», по-русски не виден двойной смысл этого заглавия, т. к. соответствующий приказ по

кавалерийской колонне звучит противоположно: «повод вправо»). Эта книга повествует о польско-большевистской гражданской войне 1918 — 1920 гг.

О книгах И. Мацкевича были написаны отзывы на 16 языках. В 1974 г. Канзасский университет в США предложил его кандидатуру на Нобелевскую премию по литературе. Правление конгресса русских американцев отправило в Нобелевский комитет письмо, выражавшее поддержку его кандидатуры на Нобелевскую премию 1975 г. Но

для комитета И. Мацкевич был, вероятно, слишком последовательным антикоммунистом.

Редакция нашего журнала поздравляет И. А. Мацкевича с заслуженной литературной премией, присужденной ему в Лондоне. Редакция рада, что самый независимый польский писатель в эмиграции является сотрудником нашего независимого русского журнала в эмиграции. Ниже мы прилагаем список главных произведений И. Мацкевича.

JOZEF MAZKIEWICZ

THE KATYN WOOD MURDERS

Hollis and Carter, London, 1951
The World Affairs Book Club, London, 1952
British Book Centre, New York, 1952

KATYN UNGESUHNTE VERBRECHEN

Thomas Verlag, Zurich, 1949
Bergstadt Verlag, Munchen, 1958
Edizioni Paoline, Roma, 1954
Ediciones Paulinas, Madrid, 1957
Rainha Ltd., Curitiba, 1976

IL MASSACRO DELLA FORESTA

LAS FOSAS DE KATYN

O MASSACRE DA FLORESTA

DROGA DO NIKAD

DER WEG INS NIRGENDWO

LE CHEMIN QUI NE MENE NULLE PART

THE ROAD TO NOWHERE

Bergstadt Verlag, Munchen, 1957
Artheme Fayard, Paris, 1962
Harvill Press (Collins), London, 1962
Henry Regnery Company, Chicago, 1964
Orbis, London, 1955

KARIEROWICZ

KONTRA

TRAGODIE AN DER DRAU

SPRAWA PULKOWNIKA MIASOJEDOWA

DER OBERST

EL CORONER

ZWYCIESTWO PROWOKACJI

SIEG DER PROVOKATION

POD KAZDYM NIEBEM

LEWA WOLNA

NIE TRZEBA GLOSNO MOWIC

W CIENIU KRZYZA

IN THE SHADOW OF THE CROSS

A LA SOMBRA DE LA CRUZ

WATYKAN W CIENIU CZERWONEJ GWIAZDY

Institut Litteraire, Paris, 1957
Bergstadt Verlag, Munchen, 1957
B. Swiderski, London, 1962
Pfeiffer Verlag, Munchen, 1967
Luis de Caralt, Barcelona, 1974
Munchen, 1962
Wilh. Gottl. Korn, Munchen, 1964
Polsk. Fun. Kulturln., London, 1964
Polsk. Fun. Kulturln., London, 1965
Institut Litteraire, Paris, 1969
Kontra, London, 1972
Contra, New York, 1973
Ideal, Mexico, 1973

Kontra, London, 1975

Н. НЕФЕДОВ

СОВПАТРИОТЫ ЗА РАБОТОЙ

В этом году в связи с нападением на Афганистан органы КГБ повели чрезвычайно интенсивную работу по линии разложения русской эмиграции, пытаясь склонить ее на сторону советского правительства. Проникая в русские зарубежные газеты и журналы, считающиеся антикоммунистическими, так называемые совпатриоты, играя на патриотических чувствах эмигрантов, с

помощью самой наглой дезинформации пытаются внушить мысль, что американские и другие империалисты хотят превратить Россию в свою колонию. Причем — уже совсем без стеснения — проводится аналогия между гитлеровской Германией и мягкотелой, не только не империалистической, но и страдающей поистине самоубийственным пороком — политическим мазохизмом и «не-

противлением злу» (коммунистическому, конечно) — Америкой, президенты и большей частью сенаторы которой не только не стремятся удержать свои позиции, но, как бы играя в поддавки, сдают их одна за другой наглому и бесцеремонному большевистскому врагу. Вспомним Кубу, Панаму, Никарагуа...

Итак, если верить совпатриотам, раз России грозит уничтожение, то русским патриотам не подобает выступать против действий советских правителей, ибо, видите ли, они защищают... цельность России, а все остальное не так уж важно: пусть тысячи и тысячи людей по-прежнему за одно высказывание несогласия с идеологией коммунизма отправляются на Архипелаг ГУЛАГ; пусть продолжается преследование религии и разрушение церквей; пусть за счет недоедания собственных подданных расходуются колоссальные суммы денег на организацию мятежей в странах Южной Америки, Африки, на Ближнем Востоке и где там еще? — лишь бы в них пришли к власти коммунисты для грабежа своего населения по примеру советской державы; пусть с каждым захватом очередной страны, наименование «русские» все больше и больше ассоциируется с такими эпитетами как обманщики, грабители, варвары, подавители свободы и т. д. Пусть все это продолжается, но нам, русским патриотам, все это должно казаться не иначе, как «сохранением цельности России». Если вы русские патриоты, то никак вам нельзя не солидаризоваться с Брежневым и Ко.

Нужно признать, что несмотря на богатый опыт борьбы русской эмиграции с чекистской провокацией, настоящая совпатриотическая кампания проходит не без успеха. Каким образом удалось проникнуть новоявленным младороссам в такие национальные органы печати как «Свободное Слово Карпатской Руси» и другие, понять нам не дано, но факт остается тот, что на их страницах время от времени появляются статьи, в которых новые казем-беки прилагают все усилия, чтобы поставить российский эмиграционный поезд на советскую колею.

В то же самое время параллельно проводимой казем-беками совпропаганде на месте она идет непосредственно и из СССР. Не так давно редакция журнала «Часовой» получила из Советского Союза письмо-вопрос, подписанное некоей «группой подсоветских россиян». Письмо было опубликовано в мартовско-апрельском номере. От

этого «письма-вопроса» так несет духом КГБ, что вряд ли можно сомневаться, что оно было состряпано на Лубянке. Но если даже допустить, что сие письмо было составлено без участия чекистов, то все равно дело от этого не меняется, ибо сие «письмо-вопрос» преследует одну определенную цель — цель советского правительства оправдать оккупацию советской армией чужих стран, на сей раз — Афганистана. И за чьей подписью послано это «письмо-вопрос» — абсолютно не имеет значения, под ним согласился бы подписаться и сам Брежнев.

Все ссылки «Группы подсоветских россиян», что, мол, захват Афганистана служит российским национальным интересам, их апелляция к русскому патриотизму является только камуфляжем для истинных целей международного коммунизма: расширение плацдарма для дальнейшей экспансии и мировой революции, т. е. превращение еще сохранивших независимость и свободу стран в сплошной Архипелаг ГУЛАГ. Внедрение большевизма в Афганистане также «нужно» русским как и большевизация самой России. Нужно ли доказывать «группе подсоветских россиян» — совпатриотов, что разбойный захват Афганистана ложится не только пятном на советскую Россию, но косвенно и на Россию историческую.

У истинных русских людей как за рубежом, так и в самой России «письмо-вопрос» советских патриотов, кроме презрения к ним и брезгливости, ничего вызвать не может — напрасно они старались. Многие русские считают, что на подобные советские провокационные вылазки не стоит обращать внимания. Может быть, и так, но коль «письмо-вопрос» было опубликовано, то на него следует ответить хотя бы уже для того, чтобы показать, как выкладывают свои крапленные карты советские шулера.

Авторы «письма-вопроса» главным образом нажимают на то, что, мол, вы, белогвардейцы, — за единую и неделимую Россию, и мы — «подсоветская группа» — за единую и неделимую... (Правда, сейчас даже такого определения — Российское государство — нет, а есть СССР, в котором даже слово «российский» вообще не упоминается, но ведь это то же самое). Так вот, господа белогвардейцы, стойте за наш неделимый Советский Союз; не присоединяйтесь к протестам против захвата Афганистана и вообще — против действий нашего правительства, нашей родной советской армии; не мешайте насаждать советскую власть — это наша родная власть, русская. А когда наши

доблестные советские войска «освободят» и Францию с Бельгией, то они вас, господа эмигранты, не забудут: всем поездка на курортные места на Колыме, Воркуте и Караганде обеспечена. Не так ли, господа из «группы подсоветских россиян?».

Для пушей убедительности в необходимости захвата Афганистана «группа россиян» выставляет следующий аргумент: «Если бы наши войска не предупредили, китайцы заняли бы Афганистан». Когда мы слышали эту песенку в последний раз? Да летом 1968 г., когда советские танки бороздили вдоль и поперек улицы и площади Праги. Помните, тогда пелось: «Западные немцы — реваншисты собирались было захватить Чехословакию, да мы их предупредили, наши танки оказались более быстрыми». Именно так бессовестно и ввали политруки красноармейцам; а в советских газетах писалось, с присущей советчикам цинизмом, что «чехи очень нас благодарят, что наши войска спасли им независимость и свободу». Некоторых советских граждан немного смущало: почему это немецкие реваншисты обязательно хотели захватить Прагу и Братиславу, а не свои, немецкие города, — Дрезден и Лейпциг?

А еще раньше, осенью 1956 г., та же песенка была пропета и о Венгрии, когда советские пушки громили венгерские города, и красные танкисты давили своими танками венгерскую молодежь. Мелодия песни была та же, только некоторые слова другие: так как в то время еще западногерманской армии не было, то коварный замысел захвата Венгрии приписывался американским империалистам. Американцы, мол, уже сбросили в Венгрию своих парашютистов (их почему-то не видали ни венгры, ни советские солдаты), но «наши войска предупредили американцев, ибо не могли же мы оставить «братский» венгерский народ в беде, отдать его на растерзание империалистам». А в это же время из советских пулеметов и автоматов Калашникова расстреливались тысячи представителей «братского народа», а более счастливые — 150.000 (сто пятьдесят тысяч!) венгров, бросив имущество, квартиры, дома, земельные участки, удирали от своих советских «освободителей». Теперь ту же песенку нам прислала «группа россиян», только с азиатскими нотами — китайскими. Раньше были немецкие реваншисты, американские империалисты, а теперь — китайские коммунисты. Китайские коммунисты у нас вызывают такое же отвращение и неприемлемость,

как и коммунисты советские (или — российские), защищать мы их не собираемся, но все же интересно было бы узнать: для каких целей собирались красные китайцы захватить Афганистан? Тоже для превращения ее в коммунистическую республику? Ничуть ни бывало. Авторы «письма-вопроса» это объясняют: «Это для занятия в Афганистане стратегической позиции для наступления на Россию». Вот как просто! Оказывается, простирающаяся от берегов Тихого океана и вдоль всего западного Туркестана граница СССР с Китаем,¹⁾ длиной свыше 10.000 км., недостаточна длинна, чтобы через нее начать наступательные операции на Россию; нельзя иначе, как только через Афганистан — уж больно выгодны там стратегические позиции. Ста километрами севернее Афганистана китайские войска могли бы наступать по ровной степи, но, видите ли, это для китайских полководцев очень уж просто, им интереснее наступать через трудно проходимые горы Афганистана. Авторы «письма-вопроса» настолько малограмотны, что даже не знакомы с элементарной географией. Если бы они потрудились заглянуть в карту Азии, то увидели бы, что Ташкент, Фрунзе, Алма-Ата к китайской области Синьцзян (раньше — Китайский Туркестан) расположены ближе, чем к Афганистану. Это — во-первых, а во-вторых, чтобы занять стратегические позиции в Афганистане, китайским войскам нужно было бы пройти через северо-восточную часть Индии — Кашмир, и, следовательно, вступить в войну с Индией, ибо она добровольно китайскую армию на свою территорию не пустила бы. Но и после занятия Кашмира китайская армия не вышла бы к границам Афганистана — впереди еще лежит Пакистан. Следовательно, нужно было еще разбить и пакистанскую армию, и только тогда китайцы подошли бы к Афганистану, где им, как теперь советским войскам, пришлось бы воевать еще и с афганцами. Итак, ради удобных позиций против России КНР собиралась начать войну с тремя государствами. Какой абсурд!

Уже соейчас потери советских войск в Афганистане исчисляются тысячами. Но это далеко не все. Последствия захвата Афганистана еще дадут о себе знать. Вспомним хотя бы Финляндию 1939 г. Тогда мы тоже слышали песенку о коварных белофиннах:

¹⁾ Собственно русско-китайская граница простирается на 7.000 км., а 3.000 км. тянется граница между Китаем и советской Монголией, которая насыщена советскими войсками.

«Финляндия готовилась на нас напасть, захватить Ленинград и т. д., и потому наши войска вынуждены открыть военные действия против белофиннов». О том, как насчитывающая всего 3,5 миллиона населения Финляндия рассчитывала победить Советский Союз с 200-миллионным населением, советская пропаганда не объясняла. Во что обошлась эта авантюра русскому народу, выяснилось позднее. Молотов, как обычно, тогда врал, что красная армия потеряла в боях с «белофиннами» 50.000 убитыми; но правительство Финляндии сообщало, что потери красной армии убитыми и замерзшими составляют не меньше 200 тысяч бойцов и командиров и около 160 тысяч — ранеными. Мы не имеем никакого основания не верить финскому командованию. К этим цифрам нужно прибавить 14 тысяч военнопленных, которые после заключения мира были переданы советчикам. Все они вымерли в советских истребительных лагерях.

Но пройдет немного больше года, и за захват чужой земли придется заплатить добавочную цену гибелью полутора миллионов русских людей. Я имею в виду погибших мучительной голодной смертью ленинградцев, в том числе женщин и детей, во время блокады Ленинграда. Еще около 200 тысяч советских солдат пало на финском фронте во время Второй мировой войны. Кому не ясно, что, напад на Финляндию в 1939 г. и отняв у нее часть территории, советское правительство тем самым вынудило финнов выступить против СССР вместе с Гитлером, чтобы вернуть отнятую землю, что и помогло немцам провести блокаду Ленинграда, которой никогда бы не было, если бы Финляндия осталась нейтральной, как и Швеция, и, следовательно, не было бы и полутора миллионов погибших от голода. До нападения на Финляндию у финнов не было и не могло быть каких-либо притязаний к России после того, как еще в 1917 г. Временное правительство предоставило ей полную независимость, а раз так, то и ничего не могло толкнуть финское правительство на союз с Гитлером. С другой стороны, ни одному здравомыслящему русскому не придет в голову утверждать, что Выборг или Петсамо являются русскими городами.

Гибель двух миллионов русских людей за оставленные жителями развалины Выборга с сотней-другой километров заболоченной и покрытой валунами карельской земли, на которой, кроме осины и ракитовых кустов, ничего не растет, для совпатри-

тов уж не такая большая цена, но вспомним, как кричал Ленин со своей большевистской бандой о жертвах Первой мировой войны, проклиная и царя, и Временное правительство, что они гонят на убой людей, а ведь тогда, воюя три года против Германии, Австро-Венгрии и Турции, потери русской армии составляли убитыми 1.720 тысяч солдат и офицеров, т. е. меньше людей, чем советские правители из-за одной финской авантюры.

Была финская авантюра, были многие другие, а теперь — афганская. По подсчетам иностранных корреспондентов и разведок, советские войска в войне с афганскими патриотами уже потеряли около 15.000 человек. Когда читаешь сообщение агентства Рейтер, что советские солдаты расстреливают на улицах Кабула учеников и девушек-подростков, что советская авиация выжигает напалмовыми бомбами селенья с мирными крестьянами и не стесняется применять и удушливые газы — то невольно приходит мысль: не пришлось бы заплатить российскому народу за афганскую авантюру такую же цену, какую он заплатил за авантюру финскую.

Для чего России нужен Афганистан? Какая от него будет российскому народу выгода, если он будет превращен в социалистическую (коммунистическую) республику? Да такая же, как, например, от Кубы — проведение в ней большевизации и коллективизации прежде всего ляжет лишним ярмом на плечи российского крестьянина и рабочего. Если когда-то процветающую и сытую Кубу Советский Союз должен ежедневно субсидировать миллионами долларов, чтобы кубинцы не померли с голоду (и все равно уже бежало полмиллиона кубинцев), то что говорить о бедном и полудиком Афганистане!

Теперь попрошу читателя обратить внимание на большевистский цинизм совпатриотов, заявляющих в своем «письме-вопросе»: **«При любых обстоятельствах (при любых! То есть если советские войска высадутся завтра, скажем, в Уругвае или Исландии — Н. Н.), все люди нашей страны будут защищать ее единство (т. е. СССР — Н. Н.). Вот хотя бы пример Афганистана».**

Итак, мы должны поверить, что нападение на Афганистан для превращения его в коммунистическую республику есть ни более, ни менее, как защита «единства России». И беспримерным лицемерием отдает от высказывания сочувствия старым эмигрантам. «Мы уже знаем, — пишут совпа-

триоты, — в каких бытовых условиях эмигрировали старые эмигранты и как им было трудно жить». Да, бывало, что приходилось и трудно, но все же во много раз легче, чем в Советском Союзе истинным (а не фальшивым) подсоветским россиянам. Ни один эмигрант с голоду не умер, в сшитых из автомобильных покрышек или веревочных тапочках не ходил, а в СССР от голода поумирали миллионы и миллионы, да и до сих пор многие работают на полугодное брюхо и простаивают часами в очередях, чтобы получить килограмм картошки или кислых яблок. Так что, товарищи из «письма-вопроса», о «бытовых условиях» вы бы помолчали.

Авторы «письма-вопроса» настолько благожелательно настроены к старой эмиграции, что даже предупреждают ее от «третьей волны»: **«Какая-то часть из них просто заслана к вам для разложения старой**

эмиграции». То, что на в свободный мир систематически, при каждом удобном случае, засылаются советские шпионы и провокаторы, эмиграции хорошо известно. Но спросим мы «группу подсоветских россиян»: А кто же этих шпионов к нам засылает, если не те же самые лица, которые отдают приказы оккупировать Афганистан и за которых вы, «группа россиян-патриотов», стоите стеной, да и нам предлагаете им послужить?

Нет, товарищи из «группы россиян», с вами нам не по пути. С истинными российскими патриотами, живущими под советской властью, у нас один язык — всегда было и осталось общее дело: освобождение России от коммунистического режима. Но с совпатриотами у нас язык другой. Для нас определения «Россия» и «СССР» — определения-антиподы, между ними лежит такая же пропасть, как и между русским патриотизмом и патриотизмом советским.

Считая эту статью важной, мы в виде исключения перепечатаем ее из журнала «Посев» № 3 за 1980 г.

Ю. ДМИТРИЕВ

ПОДМЕНА ИСТИННОГО ЛОЖНЫМ

Известна история о том, как В. Белинский, неправильно поняв картину Федотова «Свежий кавалер», столь жестоко раскритиковал ее, что несчастный художник перестал писать и безвременно скончался. История поучительная, требующая от критика сугубой осторожности, особенно при оценке общественной значимости произведения искусства. Но не менее опасна и противоположная ситуация, когда умный и полный благих намерений критик, принимая желаемое за действительное, пропагандирует труды хамелеона и двурушника.

В последнее время много говорят о художнике Илье Глазунове. Состоялось несколько хорошо организованных скандалов. Прошли шумные выставки в Москве и Ленинграде. Были отпечатаны роскошные цветные афиши, помещена статья в «Ленинградской правде» (25 октября 1979 г.), устроенная передача по телевидению и даже снят фильм (!). Казалось бы, все ясно с «товарищем народным художником». Но нет. В конце 1978 г. в «Посеве» появляется статья, в целом хвалебная, хотя и не столь

панегирическая, как опубликованная за год до того работа О. Галина «Мистерия XX века». Обратимся сперва к этой последней.

Читателю рассказывают, как задуманное 10 лет назад и в основном написанное в Москве полотно (6 x 3 метра) было привезено Глазуновым в ФРГ, где он его закончил в зале отеля «Интерконтиненталь». Сюжет детективно-комедийный: обычный человек не рискнет несколько машинописных листов провезти через советскую границу, а тут вывозится этакая махина! «Затеряться» среди других, отобранных для выставки работ, наша картина не могла никак, а увидев ее, ни один таможенник не разрешил бы ее вывезти без особого разрешения, подписанного, право, уж не знаю на каком уровне — вплоть до Политбюро (решают же там, сколько зерна колхозы могут выдавать шоферам, помогавшим им на уборке урожая!). Разыгрывается водевиль со «случайным» обнаружением картины перед верхушкой интеллигенции, государственными и политическими деятелями ФРГ. Более того, уезжая в Москву, Глазунов не

забирает «Мистерию» с собой, а как бы нарочно на некоторое время отставляет ее в Германии. И все это, увы, принимается за чистую монету, и никто не спросит: почему он не мог дописать работу дома? Зачем понадобилось ему везти ее с собой за тридевять земель, если выставлять ее перед широкой публикой он все равно не собирался? Неужели только ради нескольких мазков?

Мне не довелось увидеть «Мистерию», но я был на двух выставках Глазунова — сейчас и в начале 70-х годов. Уже тогда было ясно, что этот человек прежде всего делец: из трех отпущенных ему в ленинградском Доме офицеров залов один он использовал не для экспозиций своих работ, а для рекламы. На стенках были развешены фотографии: «Илья Глазунов и Клаудия Кардинале», «Илья Глазунов и Индира Ганди», «Илья Глазунов и Джина Лолобриджида» и т. д.

На выставке 1979 г. «гвоздем программы» было «Возвращение блудного сына». Работники Выставочного зала рассказывали, что художнику было предложено поместить картину в центре большого вестибюля на первом этаже, однако, он наотрез отказался и буквально заставил выделить для «Блудного сына» закуток на втором этаже в конце коридорчика, образованного оборотной стороной других картин. Результатом было образование очереди уже внутри самого Выставочного зала специально для просмотра (2-3 минуты!) «Возвращения», чего Глазунов, очевидно, и добивался. Жаль было милиционеров: растерянные, все в поту, они еле сдерживали натиск обезумевшей толпы...

Я не буду останавливаться на искусствоведческих оценках творчества Глазунова: достаточно сравнить его бесчисленных голубоглазых князей и Богоматерей с «Евангелистами» или «Богоматерью с Младенцем» Гончаровой, чтобы увидеть, где правда искусства, а где подделка. Остановлюсь только на двух картинах.

«За ваше здоровье!» — работа, тоже наделавшая немало шума. Мужик в тулупе и кепке, со стаканом и со звездочкой хитро улыбается зрителю на фоне гневных негров, вьетнамских ополченцев, Ленина, космонавтов и плакатов («Мира и счастья тебе, победивший Вьетнам»). Значительная часть публики видит в этом нечто чуть не демонстративно антисоветское, какой-то затаенный смысл. («Тулуп-то эковский!» — «Возможно, но посмотрите, какой доброт-

ный!»). Считается, что герой картины обращается к зрителю, приглашая вместе с ним посмеяться над лозунгами и багровыми бесами за своей спиной. Но при этом забывается, что такое толкование в сущности совершенно противоположно действительно изображенному. Более того, достаточно было отойти метров на 10 в сторону, чтобы увидеть многочисленные и вполне доброжелательные портреты тех самых вьетнамцев, которым в полном соответствии с плакатами желает здоровья и счастья и мужик на картине, и сам Глазунов.

А вот работа, которая так и называется: «Русский мужик». Сидит мужчина за самоваром, а над ним икона Богоматери с Младенцем. Только вот самовар Глазунов нарисовал сам, а икону вставил уже готовую, вместе с окладом. (Интересно, кстати, откуда он ее взял?). Не понимает он, видимо, что с точки зрения религии такой «прием» — кощунство, с точки зрения национальной идеи — профанация, а с точки зрения искусства — эстетическое мародерство», как выражается в заметке об этой выставке Я. У. («Часы» № 21).

Какой же навар имеет с Ильи Глазунова власть? Для ответа на этот вопрос я должен взять на себя смелость заявить, что случай Глазунова — часть более широкого явления. Такую же или сходную функцию выполняют: в прозе — Пиккуль, в театре — Эфрос, в поэзии — Евтушенко и Вознесенский, в диссидентстве — братья Медведевы и т. п. Глазунов — художник, он не обязан четко формулировать свою позицию в словах, и поэтому его положение более двусмысленно. Но так же, как и все названные, он призван прежде всего отвлечь более или менее широкие массы полуинтеллигенции от самых сложных и интересных явлений современной культурной и общественной жизни. Каждый из них, спекулируя на популярных, носящихся в воздухе идеях, стремится подменить истинное ложным, отравить и растлить наиболее активную часть народа. Никого не должно смущать при этом то, что Эфрос — еврей, Глазунов — русский, и тому подобное. Какая разница на чем спекулировать — на русской идее или на еврейской? Да хоть на эфиопской!

Заодно создается прекрасный предлог для распускания слухов («А вдруг перемена курса?»). Заодно преподносится урок действительно свободным художникам: «Продайтесь, и мы разрешим вам иногда посамовольничать, да еще и народными станете». Заодно накапливается и пропагандистский

капитал внутри и вне страны: вот, мол, у нас возможно вполне свободное творчество и даже некоторое фрондерство (вспомним государственных и политических деятелей ФРГ, которые взирали на «Мистерию»). Заодно прощупывается и изуверская возможность создания национал-большевистского блока для изоляции тех, кто национальные чаяния ставит в зависимость от общей демократизации, а не наоборот.

А что же сами вышепоименованные деятели? Неужели все они такие исчадия ада? Нет, наверное. У любого из них могут быть даже неприятности: «зарезжут» спектакль, пригрозят психушкой или исключением из «творческого» союза. Не беда. Они напишут

очередное «Лонжюмо» — и их простят. Но совсем не исключено, что все эти спектакли с «блудными сыновьями» спланированы заранее за дружеским чаепитием на Лубянке.

Нормальным людям очень трудно бывает понять «дьяволектическую» логику таких явлений. Может быть, поэтому создалось странное положение, когда между двух восхвалений — государственным и эмигрантским — только авторы Самиздата позволяют себе это высмеивать «любимца молодежи, органов и американцев», как называет А. Зиновьев другого «кавалера» из этой «славной когорты», поэта Распашонку.

Ленинград, 1979.

СВОБОДА ИЛИ РАБСТВО

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Большинство общественных деятелей и население Запада так или иначе признают огромную военную мощь СССР и возможность страшного поражения Запада в его конфронтации с социализмом и СССР. Однако это признание приводит к двум взаимно противоположным выводам:

1. Восстановить военное превосходство Запада и этим сдерживать непрерывно расширяющуюся агрессию СССР и избежать войны.

2. Избежать войну не гонкой вооружения, а, наоборот, его сокращением, показывая СССР пример миролюбия хотя бы в одностороннем порядке.

Пресса Запада усиленно развивает тему апокалиптических ужасов будущей войны, и население Запада так напугано, что уже предпочитает сдаться, лишь бы не подвергаться будущему кошмару. Действительно, сдача на милость СССР является наиболее простым и надежным способом избежать войны.

Если бы СССР был просто империалистической державой, какой была в прошлом веке Англия, я бы лично тоже советовал сдаться. Англия, распространив в прошлом веке свою империалистическую власть по всему миру и получая для себя и своего населения немалые выгоды от этого, тем не менее не стремилась превращать население своих колоний в рабов. Это было не в интересах получения указанных выгод. Раб всегда плохой работник. Рабство уже изживало себя во всем мире, а капитализм мог су-

ществовать лишь в условиях достаточной свободы людей, в условиях законности, порядка и политической стабильности.

Именно развитие хозяйства и цивилизации колоний империалистической Англией привело к разрушению ее империализма и почти к мирному освобождению колоний. Англия сама превратила их в независимые государства. И экономически, и политически страны-колонии много выиграли от империализма Англии. Без Англии эти страны остались бы в прежнем первобытном невежестве.

Именно по этим соображениям, имея в виду ужасы будущей войны, Западу можно было бы посоветовать сдаться и превратиться в колонию СССР.

Однако СССР совсем не есть просто империалистическая держава. Ни один империалист не станет грабить свое собственное население. Ни один империалист не станет превращать в рабов свое собственное население. СССР же это именно и делает. Население СССР не имеет ни экономической, ни духовной свободы. Оно превращено в безгласных рабов государства и, если не говорить о престижных городах, переносит невероятные лишения. За счет советского населения живет вся Куба. Советское население оплачивает советскую помощь Эфиопии, Анголе, Йемену, Вьетнаму и т. д. и т. д. Именно оно гибнет без всякой пользы для себя десятками тысяч, распространяя социалистическое рабство и не только в Афганистане.

Тем не менее, Запад, зная лишь мотив

выгоды, не может никак поверить, что может быть и мотив распространения социализма на весь мир. Идея такого мотива не укладывается в сознание Запада. Поэтому Запад уже более полувека пропускает мимо ушей все многократные громогласные заявления вождей социализма о завоевании социализмом всего мира. Запад не может поверить, что серьезные, мыслящие люди могут следовать этой маниакальной идее.

Суть же вышеуказанного, реально существующего мотива очень проста и совсем не маниакальна. Социализм есть высокоорганизованная система общества, действующая в соответствии с единым научным рецептом. Система — именно поэтому экономически и духовно чрезвычайно человечески неэффективная. Существование рядом с ней любого несоциалистического, свободного государства непрерывно подрывает социализм. Подрывает простым примером человеческих выгод свободы перед человеческими невыгодами рабства социализма. Ведь именно по тем же причинам феодальное (еще не социалистическое) рабство уступило свое место свободе капитализма.

Социализм, как рабская система, не может жить спокойно, пока капитализм во всем мире не будет ликвидирован.

Безусловно, серьезные и мыслящие социалистические правители с их абсолютной властью над своим населением понимают очень хорошо, что только социализм дает им власть, а разрушение социализма — есть разрушение их власти.

Поэтому социализм не может сосуществовать наряду с капитализмом. Либо смерть социализму во всем мире, либо смерть капитализму во всем мире. Социализм есть единственная социальная система, которая не может неограниченно долго терпеть сосуществование с любыми другими социальными системами. Любые противоречия между разными социалистическими системами являются не принципиальными. Рабство в любых видах остается рабством. Противоречия же между социалистической и капиталистическими системами есть противоречие между рабством и свободой и поэтому не может быть устранено без применения силы и уничтожения той или другой системы.

Есть и еще другая фундаментальная причина необходимости насильственного завоевания социализмом мирового господства. Военная машина является примером высокой организации и иерархического, безусловного подчинения ее высшему командованию. Таким образом, по самому своему су-

ществу военная машина есть практическое, яркое воплощение идеи социализма как высокоорганизованного общества, управляемого по единому научному рецепту в интересах этого общества (но не людей, это общество составляющих, с их миллиардами противоположных личных интересов).

Гражданская же жизнь с ее миллиардами человеческих противоречий, как показывает опыт тех же СССР или Китая, не может быть загнана в жесткую колодку единого научного рецепта. Поэтому военная машина социализма несравненно более эффективна, чем его «гражданская машина». Поэтому любая попытка социализма «перековать мечи на орала» кончится тем, что не будет ни мечей, ни орал, т. е. будет полное разрушение всей системы.

Из этого анализа легко видеть, что правители СССР и других социалистических стран отнюдь манией не страдают, а, наоборот, являются вполне трезвыми, рассудительными и компетентными людьми.

Из этого анализа вытекает также и следующее.

1. Способ избежания войны с помощью наращивания военной силы и военного сдерживания агрессии социализма полностью не состоятельный. Социализм не может остаться в покое, пока не уничтожит капитализм во всем мире.

2. Подавляющее большинство социалистических рабов совсем не радуется своему рабству и стремится освободиться от него, не имея, однако, в настоящее время достаточной для этого силы (по многим известным причинам).

3. Социализм в его смертельной борьбе с капитализмом, естественно, будет использовать для завоевания мира не только и не столько военную силу, сколько силу миллионов пацифистов и сторонников «хорошего» социализма, еще не испытавших его прелестей на собственной шкуре и потому еще с головами, полными иллюзий.

Не трудно понять, что распространение рабства социализма невозможно задержать только наращиванием военной силы и военным сдерживанием. Рано или поздно, это приведет к полному поражению Запада и обращению его в рабство социализма с неизбежным истреблением всей его интеллектуальной элиты. Так, как это произошло в России, Китае, Корее, во Вьетнаме, в Лаосе, в Камбодже, в Эфиопии и т. д.

Выводы могут быть только следующие.

1. Нужно наращивать военную силу не просто для сдерживания, а, прежде всего,

для ликвидации социализма во всем мире: либо социализм во всем мире, либо другие, свободные социальные системы. Либо свобода, либо рабство. Мирное сосуществование того и другого невозможно.

2. Нужно создать и развить до предела средства идеологического наступления свободы на рабство социализма, как на самом Западе, так и вне его.

3. Нужно использовать колоссальный потенциал всех многомиллионных масс рабов социализма, независимо от их национальностей, веры и мировоззрений. Социализм всегда использует в качестве средства подчинения и национальную вражду, и любые другие противоречия между людьми. Однако свобода нужна всем при всех их различиях и противоречиях. Поэтому нужно не разжигать, помогая социализму, противоречия и национальные различия, а объединить в освободительном движении всех рабов социализма, без исключения, не забыв, что и аппарат социалистического управления состоит из рабов, лишь более или менее привилегированных.

4. Нужно переходить в наступление уже сейчас. Прежде всего нужно и можно ликвидировать военный плацдарм социализма в западном полушарии — Кубу. Это уже резко нарушит «равновесие» в пользу свобо-

ды. Сейчас СССР, безусловно, не решится из-за Кубы развязать войну.

Затем, нарастив идеологический и военный потенциал и решимость, нужно поддержать борьбу рабов социализма в Польше и ГДР, как наиболее слабых «звеньях», оторвав их от социалистической системы. При достаточной решимости Запада (вплоть до войны) СССР и в этом случае не рискнет начать войну с Западом. В военном столкновении с Западом СССР не сможет обеспечить себе достаточную поддержку со стороны своих рабов. В особенности, после Кубы. А правители социализма, конечно, будут цепляться за каждый лишний день своего царствования: «умри ты сегодня, а я уж лучше умру завтра». Отрыв Польши и ГДР приведет в действие упомянутые потенциальные силы освобождения от рабства социализма внутри СССР. Начнется отрыв и других сателлитов и крушение социализма в СССР, а затем и в Китае и во всем мире.

В этой конфронтации свободы и рабства у Запада нет другого выбора, как или обратиться в рабство социализма или в тесном союзе со всеми без исключения рабами социализма ликвидировать это рабство во всем мире.

16. 5. 1980. Бывший раб социализма

А. Федосеев.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СССР В КОНЦЕ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ (1977 — 1979 г.г.)

Положение и деятельность Русской Православной Церкви в СССР (РПЦ) систематически освещается нами на протяжении последних двадцати с лишним лет. Капитальная работа на эту тему под названием «Гонимая Церковь» (1967) охватывала период от октябрьского переворота в России и до 1967 года, когда начали стихать гонения 60-х годов. Продолжением указанной работы явилась книга «Зарницы духовного возрождения» 1974, посвященная жизни и деятельности РПЦ конца шестидесятых и начала семидесятых годов. Первое из указанных выше изданий было переведено на английский и немецкий языки и издано отдельными книгами. В немецкое издание вошли частично материалы из второй кни-

ги с включением материалов семидесятых годов. Дальнейшие анализы деятельности РПЦ были перенесены на страницы «Ежегодника Православной Церкви в Америке», опубликовавшем две статьи: «Русская Православная Церковь в СССР в 1975 г.» (Ежегодник, 1976) и «Русская Православная Церковь в СССР в 1976 г.» (Ежегодник, 1977).

Следующая статья, посвященная Русской Православной Церкви конца семидесятых годов, печатается нами на страницах «Голоса Зарубежья».

Трудно и почти невозможно охватить в одной статье, даже относительно большого

размера, все происшедшее в эти лукавые, весьма спорные и трагические годы жизни и деятельности РПЦ. Они оказались гораздо более трудными и трагическими, чем середина прошедшего последнего десятилетия. Они характеризуются переходом власти от методов внешнего открытого разорения РПЦ к разорению внутреннему, гораздо более страшному, от прямых методов давления к давлению завуалированному, передающемуся через ряд опосредствованных звеньев, не дающих возможности верующим найти концы или, во всяком случае, затрудняющих выяснение причин и источников происходящего.

Наша работа в области истории новейшей истории РПЦ строится на принципе безусловного сочетания неоспоримых фактов с теоретическими выводами из них. В данном отношении мы много ждали от представителей религиозного диссидентства, относительно недавно попавших на запад. К сожалению, от них мы слышали главным образом теоретические отвлеченные рассуждения, далеко не бесспорные и не подкрепленные фактическими или даже статистическими данными, без которых они часто теряют всякий смысл, превращаясь в частное мнение, лишенное фактической базы.

ХРАМЫ

В предыдущих статьях и книгах мы неоднократно ставили вопрос о количестве православных храмов в СССР, оставшимися открытыми и не отнятыми диктатурой у верующих. Мы снова возвращаемся к этому вопросу, т. е. за последние три года в зарубежной и советской печати появились цифры, дезориентирующие людей, интересующихся данным вопросом. В начале семидесятых годов мы определяли наличие открытых православных храмов в количестве 4.500. Европейский специалист по этим вопросам Г. А. Рар предполагал, что в 1973 году «действующих» церквей было несколько меньше — 4.000. Из руководящих кругов Русской Зарубежной Церкви до нас дошла цифра для того же периода — от 2.500 до 3.500. На страницах Посева № 2, 1976) приводилась даже цифра в 2.000 храмов.

Приводимая цифра в 4.500 открытых храмов, по нашему мнению, остается более или менее действительной (с поправкой на незначительное снижение), и для конца 70-х годов. В эти годы не было массовых закрытий храмов, а случаи, имевшие место,

не изменили существенно количество открытых церквей. Данные, с ориентировкой приблизительно на 4.500 «действующих» православных храмов, были получены нами на основании различного рода источников, тщательно проанализированных и сопоставленных друг с другом. Указанное количество открытых храмов подтверждается не только данными, неофициально полученными из СССР, но и некоторыми советскими источниками, давшими неосмотрительно некоторые косвенные сведения, на основании которых можно было аналитическим путем сделать ряд небезытересных выводов.

Московская патриархия в лице своих представителей неоднократно выдвигала другую цифру в 7.500 — 10.000 открытых храмов, оставшуюся без особых изменений до последнего времени, за исключением того, что акцент делается не на 10, а на 7 тысяч. При этом нам приходилось слышать и читать высказывания представителей патриархии об отсутствии у них точных данных о количестве открытых церквей. К сожалению, этому трудно поверить, т. к. при отсутствии подобных необходимых данных в центральном церковном управлении управлять Церковью, в сущности, невозможно. К сожалению, эти данные воспринимались некоторыми весьма не критически. Так, например, А. Э. Краснов-Левитин в своем ответе архимандриту Хризостому, известному специалисту по новейшей истории РПЦ, тоже сообщает о наличии в СССР 7.200 «действующих» храмов, повторяя официальные московские цифры (Русская Мысль. 13 марта, 1975). В Посеве №9, 1977, стр. 39) появилась сенсационная цифра — «больше десяти тысяч церквей», якобы открытых в 1977 г. Сейчас эта цифра изменилась на 6.800, причем относится она уже к 1976 г. (Посев, № 12, 1979, стр. 45). И то, и другое относится к области желаемого, но не существующего. Все это не так уж и страшно. Но встречаются образцы невольной дезинформации, сообщающей нечто фантастическое. Так, например, агентство Ассошиэйтед Пресс в Москве сообщило о 100 православных храмах, якобы открытых в Москве. Текст данного сообщения был напечатан в американской газете «Сан-Матео Таймс» (возможно, и в других) и был в переводе опубликован в газете «Русская Жизнь» (16 сентября 1977).¹⁾

Это все весьма характерные примеры. Заклучая вышеприведенные соображения, мы позволим себе остаться при утверждении, что в конце 70-х годов, количество от-

крытых храмов мало изменилось относительно предыдущих лет этого десятилетия и выражается в приблизительной цифре 4.500 открытых православных храмов с возможными незначительными отклонениями в ту или иную сторону.

Имело ли место открытие новых храмов за исследуемый нами период? Да, но в крайне незначительном количестве. В данном отношении несомненный интерес имеет доклад патриарха Пимена на торжественном заседании 25 мая 1978 г. в связи празднованием 60-летия восстановления в РПЦ патриаршего управления. В нем имеется следующее небезыңтересное место. Патриарх сказал: «Количество православных храмов и приходов в той или иной епархии может изменяться как в сторону сокращения при уменьшении количества прихожан, когда может стать вопрос об объединении малого прихода с соседним приходом, так и в сторону увеличения. Так, за последние месяцы были открыты новые приходы в городе Асино, Томской области, в городе Славгороде, Алтайского края, в городе Морозовке, Ростовской области, в городе Каттакургане, Узбекской ССР, в городах Балхаше, Макинске и Экибастузе, Казахской ССР. В этом разделе я считаю необходимым отметить труды народа Божия по строительству в последний период нескольких храмов: каменной церкви во имя святителя Николая в г. Владивостоке, каменной Михаило-Архангельской церкви в г. Новокузнецке, Новосибирской епархии, строящегося каменного храма во имя святителя и чудотворца Николая и вновь построенного деревянного храма в честь Казанской иконы Божией Матери в Новгородской епархии и других». (ЖМП,¹) № 8, 1978, стр. 11).

Мы не знаем сколько было «других» храмов, очевидно, не столь уж много, но данный патриархом перечень не особенно велик, если не сказать большего. И едва ли был смысл патриарху Пимену преуменьшать количество вновь открытых храмов и приходов. Скорее — наоборот... Однако обращает на себя внимание одна особенность. Подавляющее большинство храмов и

новых приходов находятся в глубокой провинции. Исключением являются новгородские церкви. Но ведь в Новгороде годами был открыт только один маленький храм во имя св. апостола Филиппа. А Новгород теперь посещается и туристами...

По этому поводу имеется следующее замечание отца Глеба Якунина, сделанное им в докладе Христианскому Комитету защиты прав верующих в СССР о современном положении РПЦ и перспективах религиозного возрождения России. Отмечая приведенное нами место из доклада патриарха, о. Г. Якунин высказал следующие соображения.

«В последние годы по стране все же было открыто несколько храмов. Об открытии этих храмов (и о капитальной перестройке старых) было сообщено патриархом Пименом в его докладе на торжественном заседании 25 мая 1978 г., посвященном 60-летию восстановления патриаршества. За исключением г. Морозовки Ростовской области, все остальные вновь открытые приходы, перечисленные в докладе патриарха, находятся в непосредственной или стратегической близости от Китая. По-видимому, власти своей более либеральной политикой в отношении РПЦ в этих географических зонах хотят использовать религию как один из укрепляющих факторов стабильности в районах, близких к границе с потенциальным врагом». (Посев, № 12, 1979, стр. 31).

Мы не беремся судить, насколько правильны соображения о. Г. Якунина относительно связи между открытиями новых приходов и «китайской картой», но нам все же представляется, что свидетельство о. Г. Якунина, хорошо осведомленного в церковных делах в СССР, имеет свою несомненную ценность.

Как обстоит дело с закрытием православных храмов в конце семидесятых годов? Патриарх в своем выступлении указал на весьма реальную возможность сокращения количества храмов; это полностью соответствует действительности. Отметим: громких бесчинств в отношении закрытия тех или иных храмов власть, как мы уже указывали выше, избегала за последние годы. Но зато храмы закрываются тихо, без шума, внешне совершенно безобидными методами. В данном отношении предоставим слово советским атеистам, рассказывающим нам кое-что по интересующему нас вопросу.

Центральный антирелигиозный журнал «Наука и религия» (№ 10, 1979, стр. 17) приводит на своих страницах небезыңтересные данные.

¹) Вестник Русского христианского движения (Париж) в № 130 опубликовал часть отчета Совета по делам религий в СССР, подписанного заместителем председателя совета В. Фуровым. В нем Фуров приводит цифру в 7.062 открытых православных храмов. Однако, эта цифра дана на 1 января 1975 г. и в нее включены не только фактически открытые церкви, но и полузакрытые, а также храмы формально не закрытые, но в которых богослужения не совершаются.

²) ЖПМ — «Журнал Московской Патриархии».

«Жизнь есть жизнь. Бывает, что некоторые церкви теряют свою паству. Так, прекратила свою деятельность церковь в деревне Стефантоль Миорского района, Витебской области. Молитвенное здание обветшало и, по заключению технической комиссии, подлежало сносу. Небольшая группа верующих, оставшаяся в этой деревне, стала удовлетворять свои религиозные потребности в соседней церкви. По предложению райисполкома общество было снято с регистрации как распавшееся, а аварийное здание церкви было снесено».

В том же номере журнала мы читаем и следующее:

«С просьбой о снятии с регистрации религиозного общества в городе Хасавюрт, Дагестанской АССР обратился исполнительный орган Знаменской церкви. Свою просьбу он мотивировал тем, что «помещение очень большое, не отапливается, требует большого ремонта, и за отсутствием средств мы церковь и священника содержать не можем... Посещаемость церкви низкая, в округности церквей достаточно». Просьба заявителей была удовлетворена.

Самый беглый анализ подобного рода «оправдательных текстов» свидетельствует о продолжающемся тихом и медленном закрытии церквей. Жизнь, конечно, есть жизнь. Но потеря паствы при столь незначительном количестве храмов, которое имеется в СССР — дело совсем необыкновенное. Если даже в приходе и имеются недовольные, то желающих посещать храм имеется, как правило, достаточно много и данное обстоятельство в условиях современного православного прихода в России не может сыграть разрушительную роль, тем более в таком краю, как Витебская область, где население сохранило во многих случаях православие. То, что здание храма могло обветшать — вполне возможно. Но нет прихода в СССР, который, если ему не будут мешать, не обновит и не отремонтирует свой храм. Но когда вмешивается государственная техническая комиссия, которую никто не приглашал, то обычно храм закрывают. Требования комиссии или непомерны или она, «заботясь о благополучии трудящихся», вообще решает невозможность ремонта церкви, обрекая ее на закрытие. Другими словами, т. н. технические комиссии, регулирующие и контролируемые состояние храмовых зданий и появляющиеся там, где можно прикрыть храм или создать верующим те или иные трудности, в подавляющем большинстве случаев являются инструмен-

том для закрытия храмов, замаскированным под государственный орган, не имеющий ничего общего с подобного рода деятельностью. Но ни для кого не секрет, что такие технические комиссии работают в тесном контакте с представителями органов власти, так или иначе имеющими отношение к делам религиозным. Мы сомневаемся также в наличии в данном случае небольшой группы верующих, согласившихся добровольно постоянно посещать соседнюю церковь. При существующем в стране количестве открытых храмов «соседняя церковь» весьма часто означает десятки километров, превращая такое посещение в весьма нелегкое дело. Документов на эту грустную тему о «соседних церквях» поступило за последние годы на Запад немало.

Белыми нитками сшито и второе сообщение антирелигиозного журнала о просьбе верующих закрыть большую Знаменскую церковь, так как ее трудно отопить, она требует ремонта, посещаемость ее низкая, а в округности церквей достаточно. И в старые времена, в дореволюционной России, большие и особенно каменные храмы, несмотря на отопление, были холодными, а часть из них вообще не отапливалась, и в них часто замерзала вода, приготовленная для нужд богослужения, но это не являлось препятствием для их использования. В Дагестане, где зима гораздо более теплая, выдвинутая причина звучит довольно глупо, если не анекдотично. Ремонт помещения и содержание священника, если в эти дела не вмешивается «народная власть», всегда могут быть урегулированы самим приходом, священником и даже епархиальным управлением, имеющим для этого кое-какие возможности. А утверждение достаточного количества открытых православных церквей в условиях Дагестана можно посчитать лишь за глупую невежественную шутку. И в данном случае мы имеем дело с замаскированным принудительным закрытием храма под давлением власти.

Так обстоит дело с открытием и закрытием храмов и приходов. Но кроме этих двух категорий динамики развития указанных обоих процессов, имеется еще и третья категория приходов или храмов. Речь идет о полузакрытых или спорных храмах, вокруг которых идет многолетняя изнуряющая борьба между верующими и властью. Прошедшие годы (1976 — 1979) ознаменовались рядом если и не новых, то достаточно концентрированных явлений в области религиозной жизни страны. Прежде всего сле-

дует напомнить о новой петиции верующих города Горького, настаивающих на открытии в нем, по крайней мере, еще одного храма в дополнение к имеющимся трем малым периферийным церквям. О первых попытках открыть в Горьком еще один храм мы писали в более ранних наших работах и на страницах «Нового Русского Слова». В данном, последнем, случае власти по своему обыкновению отказали просителям, подкрепив свой отказ «соответствующими мерами», отнюдь не идеологического порядка. Тем не менее, верующие не пришли в состояние надлежащего порядка. В ответ на попытки репрессий против авторов петиции и ее «подписантов», в городе стихийно сложились т. н. двадцатки, направившие властям прошения об открытии уже не одного, а нескольких храмов в различных районах г. Горького, не имеющих вообще «действующих» православных церквей. Власти им, конечно, отказали. Но дело вовсе не в отказе, а в необычайной активности верующих, в их героической и смелой борьбе за открытие новых храмов, переводящих весь этот вопрос в плоскость открытого религиозного фронта, термина столь не нравящегося советским органам власти, но весьма точно отражающего происходящее.

Пример Горького не одинок. На основании многочисленных материалов, поступивших из СССР и связанных с борьбой на религиозном фронте, мы узнаем о многочисленных фактах непрекращающейся борьбы между властью и верующими за сохранение открытых и за открытие закрытых и часто разрушающихся храмов. В данном отношении большую работу проделал Вашингтонский исследовательский центр в Сан-Франциско, собравший огромное количество неопубликованных материалов, поступивших к нему из СССР, главным образом от Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, возглавлявшегося относительно до недавнего времени священником о. Глебом Якуниным, ныне арестованным органами КГБ.

Прихожане и двадцатка Свято-Успенского храма села Истомино, Калужской области обратились с ходатайством к председателю Совета по делам религии при совете министров СССР В. Куроедову, протестуя против попытки фактически «бесшумного» закрытия их намоленного храма. Село Истомино находится в Калужской области, по видимому, недалеко от г. Таруса. Сущность этого очередного и типичного для нынешнего времени дела заключается в следую-

щем. Уже с половины семидесятых годов церковь фактически перестала действовать по причине перевода священника Св. Успенского храма в гор. Киров. Присланный новый священник внезапно заболел, был положен в госпиталь и на приход не вернулся. Верующие снова обратились к епархиальному преосвященному с просьбой прислать священника. Последний ответил, что без разрешения, на этот раз уполномоченного, он назначить священника не может. Уполномоченный по делам религиозных объединений данной области ответил, что назначение священников — дело местного архиерея. В результате взаимных ссылок друг на друга местный епископ и уполномоченный поставили храм в Истомино под угрозу закрытия как «не работающий». А Свято-Успенская церковь является единственной в радиусе 80 километров. Храм, оставшись без священника, может быть закрыт в любой момент, а санкцию, на т. н. регистрацию может дать только уполномоченный. Это и было учтено местным архиереем, нежелавшим попасть в нелепое положение. Через некоторое время архиереем прислал нового священника, кандидатура которого была утверждена уполномоченным, но последний одновременно заявил о необходимости переизбрания двадцатки, т. к. предыдущая, по его мнению, плохо работала. Не желая скандала с закрытием храма в связи с отсутствием священника, уполномоченный начинает новое дело с тем, чтобы закрыть храм другим путем, обвинив двадцатку во всевозможных упущениях. Вместо проведения собрания для избрания новой двадцатки уполномоченный через местных представителей власти потребовал ключи от храма. Последнее практически означало административное закрытие церкви. Дело приняло безнадежный оборот, но случилась осечка, заключавшаяся в передачи всего этого дела на Запад. Борьба продолжалась, причем власть вела его под прикрытием тезиса о ликвидации «фактически распавшегося религиозного общества». Конец этого дела не ясен, да едва ли можно говорить о конце, т. к. верующие продолжают борьбу.

Около восьми лет православные верующие Березновского района, Ровенской области добиваются регистрации своей религиозной общины и открытия ранее закрытой церкви в селе Балашовка, однако все их усилия разбиваются о сопротивление власти. В материалах, датированных 1979 г., сообщается о получении верующими нового отказа от Березновского райисполкома.

Мотивы отказа следующие: просьба верующих не может быть удовлетворена, так как церковная двадцатка, ранее существовавшая в селе Балашовка, распалась, а здание церкви находится в аварийном состоянии. Борьба продолжается, т. к. отказ райисполкома не является законным. Он может зарегистрировать новую двадцатку и дать верующим право отремонтировать храм или дать им другое помещение.

Двадцатка Православной Русской Церкви в городе Котово Волгоградской области уже несколько лет ведет борьбу за восстановление храма, который был построен их предками на личные средства путем сбора пожертвований на построение церкви. Верующие обращались в различные инстанции и дошли до самого Куроедова. В результате всех усилий представители реально существующей двадцатки были вызваны в райисполком, где с ними было устроено собеседование, в котором верующие изложили свои желания. Они просили: 1) утвердить православное общество, легализовав его и 2) сдать православному обществу в аренду старое здание церкви, прилегающий к ней церковный домик и усадьбы вокруг этих строений. Райисполком в лице его председателя отказал и посоветовал ездить в соседний район, где имеются открытые церкви — предложение для больных и старых людей малоприемлемое. Верующие снова обратились в высшие инстанции. Борьба продолжается...

Последняя четверть прошедшего десятилетия характеризуется исключительно интенсивным развитием метода внутренней диверсии в целях закрытия храмов и разорения приходов. Власть взяла на вооружение данный способ борьбы как наиболее неуязвимый с правовой точки зрения. Он заключается в усиленном насаждении и в двадцатки, и в церковный клир своих людей, часто абсолютных атеистов, которым поручается путем организации внутренних распри, скандалов, склок и даже преступлений создать такую обстановку, при которой власти будут иметь формально-законное право закрыть приход, а затем и пустующую церковь. В данном отношении предоставим слово отцу Глебу Якунину, давшему краткую, но достаточно ясную характеристику всего происходящего. В своем докладе Христианскому комитету защиты прав верующих, о котором мы будем говорить ниже, он, между прочим, писал: «Как известно, в последние годы все чаще имеются случаи, когда членами «двадцаток» и «исполорганов» об-

щин становятся лица, не имеющие никакого отношения к приходу, а то и вовсе неверующие, стремящиеся либо пожить у «церковного пирога», либо проникающие в церковь, чтобы антирелигиозникам прочнее контролировать жизнь общины, либо вовсе разрушить ее изнутри». (Документы Христианского комитета. Том 11, Сан-Франциско, 1979, стр. 1145).

ВЕРУЮЩИЙ НАРОД

Тема о верующем народе как хранителе веры в данное время получает совершенно особое значение. Эта тема приобретает еще дополнительное значение в свете разгрома верхушки религиозного движения сопротивления, называемого на западе религиозным диссидентством. Для нас является несомненным, что т. н. религиозное диссидентство, выдвигавшее таких замечательных людей как о. Глеб Якунин, Лев Ретельсон и многих других, является лишь видимой и наиболее активной верхушкой широкого народного религиозного движения сопротивления антирелигиозной политике власти. Убран и заключен в тюрьму передовой отряд религиозного движения сопротивления, но сама армия остается нетронутой, видимой и скрытой, действующей и иногда как бы замирающей, проявляющейся во всех частях страны, выдвигающей новых людей на смену принудительно ушедших, принуждающей власть с тревогой вглядываться в глубину народную, пытаясь найти источники и виновников активно действующего религиозного фронта. Последняя четверть прошедшего десятилетия характеризуется не только усиленным развитием и деятельностью открытой части религиозного движения сопротивления, но и ростом количества верующих в стране, становлением огромной, нигде не зарегистрированной армии верующих людей, даже по преуменьшенным и трусливым данным власти, состоящая из многих и многих десятков миллионов людей.

Власть сама пытается выяснить, сколько же верующих имеется в стране и какие типы верующих наиболее характерны в описываемое время?

С этой точки зрения не лишены известного интереса попытки типологических изысканий в данной области, которые неоднократно принимали советские атеисты. По мнению советских социологов, работающих в контакте со специалистами по насаждению тотального безбожия, можно ориентировочно в данное время выделить среди

многомиллионного верующего народа следующие «социально-психологические типы» или вернее, группы: 1) верующие фанатики, 2) верующие убежденные, 3) верующие традиционалисты, 4) т. н. колеблющиеся.

Наибольший интерес власти и беспокойство приносят первая и вторая группы. По мнению советской атеистической пропаганды, первая группа представляет собой безрассудную, отвергающую всякий здравый смысл веру, сочетаемую с иступленной религиозностью и нетерпимостью к инаковерующим. Пытаясь перевести данный вопрос в плоскость «психушек», советские специалисты пишут в связи с этим о «нейродинамическом стереотипе», дающем при известных условиях возможность отправлять людей для принудительного «лечения» в психушках. По словам атеистов, подобные люди слепо преданы религии, а их духовные запросы преимущественно связаны с богослужением, т. е. с молитвой и чтением духовной литературы. Для нас упомянутые особенности являются совершенно нормальными и закономерными. И если оставить в стороне т. н. «нейродинамический стереотип», то последовательная и воинствующая религиозность, связанная с активным миссионерством, отсутствие боязни мученичества — характерны для этой группы как положительные ее стороны. Верующие этой группы имеются во всех исповеданиях и религиях, но особенно часто они встречаются в группировках, не признающих советского законодательства о культах и находящихся на нелегальном или полунелегальном положении. Имеются они и в РПЦ. Отрицательной их стороной является проявляемая довольно часто нетерпимость к инакомыслящим.

Значительно серьезнее обстоит дело со второй и, пожалуй, наиболее многочисленной группой, называемой властью убежденными верующими. Судя по имевшимся в печати данным, в отношении этой группы власть терпит постоянно серьезное и необратимое поражение. Практически речь идет об активном ядре верующих, принадлежащих к РПЦ, приемлющих ее в том виде в каком она существует в СССР, но достаточно критически относящихся к церковному руководству на его высшем уровне. Советские социологи и атеисты принуждены признать, что религиозные убеждения данной группы являются ее жизненной ориентацией. Они безапелляционно и сознательно признают существование Бога как Твор-

ца и Промыслителя, существование загробной жизни и утверждают несомненное всеобщее воскресение из мертвых. Активное служение Церкви, совершение «религиозных обрядов», а также перенос (заметно учающийся в последнее время) богослужebной жизни в домашнюю обстановку, до известной степени свидетельствует не только о стремлении перейти частично на катаномбное положение, но и возродить то явление, которое Церковь называет малой или домашней церковью. В более или менее серьезных атеистических статьях признается, что в основе деятельности данной группы лежат глубоко религиозные мотивы. Они являются, как правило, активными членами своих религиозных общин и совершенно не поддаются доводам антирелигиозной пропаганды. В противоположность первой группе, принимают участие в общественно-полезном труде, т. е. попросту добросовестно работают, но используют свое пребывание в том или ином коллективе для миссионерской деятельности. Они не чуждаются общественно-политической жизни, но имеют о ней, по всей видимости, собственное мнение. Они придают огромное значение религиозной морали, убеждены в необходимости религиозного воспитания детей, осуществляя его на практике в пределах имеющихся возможностей и не боясь соответствующих репрессий власти. Относятся весьма терпимо к инаковерующим и даже к неверующим, поддерживая с ними нормальные человеческие отношения и этим создавая мирную мировоззренческую атмосферу. Судя по тону советских авторов, анализирующих поведение группы убежденно верующих, они понимают, что имеют дело с наиболее серьезным и сильным противником. Власть трудно сделать что-либо с этой группой. Дело зашло слишком далеко и в какой-то степени уже вышло из под полного регулирующего контроля диктатуры.

Несколько проще обстоит дело для власти с третьей группой — верующих традиционалистов. По мнению советских специалистов по религиозным вопросам, эта группа не опасна, т. к. представления ее членов, полученные от старшего поколения, отличаются несистематичностью, а что касается религиозных обрядов, то они выполняются главным образом по неосознанной привычке или традиции. И хотя они признают исключительную силу религиозной морали, но в их жизни доминируют начала, лежащие вне религии. Так же, как и предыдущая груп-

па, они не уклоняются от участия в производственной и социально-политической жизни страны и благожелательно относятся к инаковерующим и неверующим.

Однако власть несколько ошибается в оценке данной группы. Она недооценивает силу традиций и не отдает себе полностью отчета в еще одном обстоятельстве. При известных условиях из неосознанных сторонников традиций вырастают люди, которые постепенно переходят в лагерь убежденных верующих. Впрочем, бывает и другое. Верующий традиционалист остается до конца своих дней относительно нейтральным, не сдвигаясь с духовной точки зрения ни в ту, ни в другую сторону. Но они очень редко переходят в лагерь атеистов.

Значительный интерес представляет четвертая, и последняя, группа верующих именуемая в советской литературе «колеблющиеся», а в западной религиозведческой, как некое «белое пятно», внутри которого происходят всякого рода мировоззренческие искания. Советские атеисты считают представителей данной группы промежуточным типом между верующими и неверующими. Последнее до известной степени верно, ибо, несмотря на все сомнения и искания, они, на известной ступени своего духовного развития, еще не могут ясно установить свое религиозное мировоззрение. В их сознании сочетаются самые разнообразные и даже противоречивые мировоззренческие и идеологические взгляды. И если для советских специалистов подобное является противоречивой раздвоенностью и неоправданной эклектикой, то для нас указанное является продуктом свободных первичных духовных исканий, из которых, в конце концов, выкристаллизовывается нечто, если не законченное, то, во всяком случае, положительное. Практика показала и следующее. Большинство лиц, попадающих в группу колеблющихся, в конечном итоге, склоняются к той или иной форме религиозного мировоззрения, а не к атеизму. И хотя советская социологическая литература считает характерным для этой группы разрушение многих компонентов религиозного сознания, многих фундаментальных или ортодоксальных религиозных представлений, но она одновременно сознательно умалчивает о тех творческих мировоззренческих исканиях, которые происходят в этой среде. А именно в последнем и заключается главное.

Советская специальная литература выделяет несколько подгрупп из среды колеблющихся (а по-нашему — ищущих). И в пер-

вую очередь она подразделяет их на две основные группы: а) тяготеющие к атеизму и б) тяготеющие к религии. По мнению атеистов, первых больше. Не будем спорить, но повторяем, независимо от величины обеих подгрупп, большинство колеблющихся не остаются в инертно-неподвижном состоянии и, независимо от своего тяготения, чаще переходят на сторону религии, чем атеизма. В неопределенном положении почти никто не остается, если процесс мировоззренческих исканий у них уже начался. Добавим к этому, что т. н. белое пятно, являясь резервом верующей части населения СССР, фактически принимает активное участие в борьбе на религиозном фронте, помогая верующим там, где это возможно, сочувствуя им и весьма отрицательно относясь к политике власти в отношении верующих людей. Роль «белого пятна» постепенно и неуклонно возрастает из года в год, о чем мы неоднократно писали на страницах «Нового Русского Слова» (Нью-Йорк).

Такова краткая характеристика групп верующих людей в СССР, дающаяся современной советской социологией для второй половины семидесятых годов и откорректированная нами в соответствии с действительностью.

Сколько же вообще сейчас верующих в СССР? На этот вопрос не так легко ответить. В своем интервью, данном московскому корреспонденту берлинского издательства «Фрайе вельт» (ЖМП, № 2, 1978, стр. 2), патриарх Пимен сообщил, что «Русская Православная Церковь объединяет значительную часть верующего населения СССР». Это совершенно бесспорное указание все же не дает ответа на поставленный нами вопрос. Из сопоставления отрывочных данных, разбросанных в различных советских изданиях, и сведений, имеющихся за рубежом, мы можем приблизительно подсчитать, что верующих, включая «белое пятно», склоняющееся к вере, довольно много: до 60% от всего населения СССР. По мнению А. Удодова (Посев, № 2, 1976) в Грузии верность Православию сохраняет до 90% населения. Но, конечно, общий процент, указанный для всего СССР, неодинаков в различных районах и в отдельных местах значительно ниже указанного. Эти данные повторяются в различных вариантах в различных источниках, иногда косвенного даже характера, а также в советских атеистических изданиях, когда в последних начинаются процентные «вариации» на тему о количестве верующих. Как ни подсчиты-

ваются эти проценты, приходится признать в стране значительное количество верующих, хотя и в преуменьшенном варианте, по сравнению с приведенным выше.

С разных концов СССР до нас постепенно доходят интересные сведения о жизни и деятельности верующих. В самых фактах, быть может, ничего особенного нет, но мы в данном случае и не гонимся за сенсациями, так как не они определяют закономерность явлений, происходящих на религиозном фронте. Для конца семидесятых годов характерен тот духовный накал верующего народа, который проявляется везде на просторах страны. Накал справедливый за те несправедливости и произвол, которые творятся под прикрытием советского законодательства о культах, сочетаемые с прямым надругательством и жестоким обращением с верующими людьми, особенно со стороны органов милиции и КГБ. Праведный гнев верующего народа на гонящую его власть, облеченную в знаки темных сил, праведный гнев за гонения на веру, носителем которой и является верующий народ. Подобное состояние, вызванное многолетней богоборческой политикой власти, принимающей в данное время более утонченные, но одновременно и более жестокие формы, сталкивается со спокойной, но усиливающейся устойчивостью и растущей смелостью верующих людей. Устойчивость эта, являющаяся своего рода закалкой, создавшейся в условиях перманентного сопротивления духовным домогательствам власти, привела к ряду явлений, скрыть которых диктатура сейчас не в силах. И если советские газеты, попадающие за границу, в конце семидесятых годов окончательно и бесповоротно почти перестали писать о религии, то провинциальная печать, в виде запрещенных к посылке за границу периодических изданий и специализированные издания вроде «Науки и религии» все же вынуждены кое-что писать и рассказывать о происходящем на религиозном фронте. Но по сравнению с предыдущими годами рассказывают они мало и скупо и весьма неохотно, за исключением тех случаев, когда надо кого-либо травить по распоряжению свыше. Антирелигиозные издания, попадающие за границу, как, например журнал «Наука и религия» и соответствующая ему провинциальная периодика, отыгрываются больше на вопросах, в сущности мало имеющих общего с религиозной жизнью страны. Ибо, в конце-концов, печатать популярные лекции по астрономии или рассказывать о деятельности покой-

ного академика Филатова и т. п., занимая подобным материалом весьма значительную часть журнала, означает косвенное признание своего рода поражения; в противном случае победные реляции с фронта религиозной борьбы вытеснили бы давно эти в общем совершенно безобидные материалы, только по недомыслию относящиеся к рубрике атеизма. Впрочем, имеется мнение, говорящее об указанных явлениях, как о своего рода функции разрядки. Не стоит раздражать Запад всякого рода антирелигиозными острыми материалами из религиозной жизни страны во время разрядки, дающей так много полезного советской диктатуре. Соображение это имеет некоторые резоны, но если вспомнить, что та же власть в это же время осуществляла судебные процессы и гонения на диссидентов, то едва ли данное соображение будет иметь решающее значение. Думается нечто другое... Победные реляции прекратились, ибо информации, поступающие с различных участков религиозного фронта не дают для них особых, даже выдуманных оснований.

Приведем один из относительно ранних, даже первых примеров происходящего в конце семидесятых годов. Пример наш относится к половине прошедшего десятилетия, но как бы предвещает все творящееся в данное время.

Специальный корреспондент «Науки и религии», находящийся на далеком юге, в городе Ереване, в статье, посвященной деятельности заслуженного атеиста Геворкяна, рассказывает нам следующее.

«Утром Геворкян обратил внимание на то, что у здания бывшей церкви собираются люди: немного, преимущественно пожилые, но были среди них и несколько подростков, даже дети. Стало известно Геворкяну и то, что наиболее активные из них ходят по домам, ведут «душеспасительные» беседы, составляют списки верующих». (Наука и религия, № 2, 1975, стр. 9). Добавим, что, по имевшимся сведениям, эти люди совершали при входе в «бывшую» церковь и богослужения. А где же милиция с ее весьма прямолинейными действиями в подобных случаях? Говорят, что ничего сделать не может, хоть дежурь круглые сутки у входа в закрытую церковь или бегай вслед за верующими и пресекай их добровольное и героическое миссионерство. Верующие к концу семидесятых годов стали весьма упорными и, самое неприятное, крайне неуступчивыми и совсем небоязливыми. В их среде неуклонно за последние годы по-

вышел процент молодежи; последнее нашло свое отражение в открытии в городах религиозных семинаров, о которых достаточно писалось и в западной, и русской зарубежной печати. Имя Александра Огородникова стало сейчас всем известно, равно, как и его сподвижников.

Упорство и настойчивость верующих особенно ярко проявились в упомянутом выше т. н. горьковском деле, которое надо рассматривать не только с точки зрения открытия новых храмов, но и с позиций констатации особенно активного сопротивления политике власти, а также выдвижения новых лидеров из числа, если не молодежи, то во всяком случае, лиц совсем не «старшего возраста».

История с упомянутой выше и продолжающейся попыткой открыть православный храм в г. Котово Волгоградской области поражает той бесстрашной настойчивостью, с которой рядовые верующие через голову всякого рода церковных властей настойчиво требуют от советских органов реализации своих конституционных прав. Верующие города Котово, в лице своих активных представителей, в количестве 25 человек, просят соответствующие органы открыть храм и их православное общество. Они просят власть об этом, мотивируя также и тем, что эти здания принадлежат им потому что их строили их предки, их деды на свои личные средства путем пожертвования на построение храма. Они строили их для себя и для будущего грядущего поколения православных христиан. Эти здания являются историческим традиционным памятником для верующих, и они должны свято хранить их.

Попытку представителя местной власти отослать их в церковь соседнего района, в соответствии с установившейся директивной «традицией» конца семидесятых годов, в данном случае не возымела действия. Они продолжают обращаться по «инстанциям», и уже четыре раз побывали в Москве у «товарища Куроедова», и хотя все это не возымело соответствующего действия, т. к. власть изворачивается и маневрирует, как может, чтобы не выполнить просьбы котовцев, тем не менее, дело это продолжается, свидетельствуя о растущей активности верующих, не желающих больше сдавать свои позиции и смотреть на закрытую церковь со снятыми куполами. Примеры эти можно умножить, но едва ли это возможно в одной журнальной статье.

Как отразился на верующем народе раз-

гром религиозного диссидентства, учиненного властью параллельно обострению международных отношений и сворачиванию политики разрядки напряжения? Не надо преувеличивать или преуменьшать значения данного явления. Разгром Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, во главе которого стоял о. Глеб Якунин с группой своих сотрудников, аресты и высылки наиболее активных священников, в том числе и о. Д. Дудко³⁾, разгон семинаров молодежи и прочее подобного рода ничего хорошего из себя не представляют, но и не имеют решающего значения. Судьбу Церкви решает сейчас многомиллионный верующий православный народ, выдвигая из своей среды новых активных деятелей-мучеников, встающих на смену принудительно ушедшим. Разгром верхушки религиозного диссидентства — несомненно, удар по верующему народу, но удар, не снимающий нормальный ход процесса постепенного воцерковления страны. На место замечательных людей, группировавшихся вокруг Христианского комитета о. Якунина, на смену народным проповедникам типа о. Димитрия Дудко и других, необоснованно менее известных, чем он, придут десятки и сотни, других. Скромные списки верующих людей, дерзновенно передающиеся органам власти с просьбой или об открытии того или иного храма, или о прекращении внутренних погромов приходов путем засылки туда нужных власти людей, свидетельствует о росте церковного самосознания православных людей в СССР, достигшего к концу семидесятых годов весьма значительного уровня. Разгромленные столичные семинары верующей или приходящей к вере молодежи будут заменены новыми. Но только ли дело в семинарах? Верующая молодежь имеется сейчас во всех уголках страны и ее роль и поведение определяется опять-таки не московскими и не ленинградскими религиозными семинарами, часто занимающимися совсем не тем, чем нужно. На все эти вещи надо смотреть трезвыми глазами и на фоне широкого горизонта всей страны, а не умиляться отдельными явлениями верхушечного порядка на основе своеобразного церковного снобизма, расплывшегося в цер-

³⁾ Мы упоминаем здесь об отце Д. Дудко, поскольку наша статья охватывает период до 1 января 1980 г. В то время указанный священник действовал относительно свободно и внешне произвольно. Случившееся с ним в 1980 г. уже выходит за хронологические рамки нашей статьи и настоятельно требует своего особого освещения в пределах имеющихся у нас возможностей.

ковных зарубежных кругах и поддерживаемого некоторыми иностранными кругами.

Верующий православный народ в СССР — это огромный айсберг под водой, внутри которого происходят процессы, скрытые от глаз власти и едва-едва прикрытые для нас. Но можно сказать одно: время подав-

ления церковного народа прошло. Можно арестовывать и сажать его отдельных представителей, но массового террора обрушить на него больше нельзя, ибо могут получиться результаты, хуже афганистанских. И власть об этом хорошо знает.

(Окончание следует)

В прошлом году исполнилось 50 лет со времени тех дальневосточных событий, о которых мало кто из живших в Европе эмигрантов знает подробности. Так как мы считаем, что и эти жертвы нельзя забывать, мы печатаем рассказ очевидца этих событий.

Редакция.

М. Т.

Пятидесятилетие советско-китайского конфликта и трагедия Трехречья

В этом году исполняется 50 лет советско-китайского конфликта, возникшего между двумя соседями из-за Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), и трехреченской трагедии.

1. ИЗ ИСТОРИИ

Маньчжурия граничит с Восточной Сибирью на большом протяжении, и еще в 17-м столетии казаки, чьи предки когда-то прошли через всю Сибирь, пытались обосноваться в устье Амура.

В 1896 году Китай предоставил царской России право на постройку через Маньчжурию железной дороги протяженностью приблизительно в 950 миль для соединения Читы с Владивостоком по кратчайшему расстоянию. Постройка КВЖД через Маньчжурию была для русских выгоднее, чем вдоль Амура. Постройка дороги началась в 1898 году и закончилась в 1903 г. Ветка ее была доведена до Порт-Артура, морской базы на оконечности Ляодунского полуострова, арендованной русскими. После войны России с Японией в 1904-1905 гг. южная часть дороги, от Чаньчуня до Порт-Артура, отошла к Японии и стала называться Южно-Маньчжурской железной дорогой (в 1907 г.) Позднее благодаря этой ветке японское влияние стало проникать в Маньчжурию и в 1932 году закончилось ее оккупацией и провозглашением государства Маньчжу-Го.

Коридор вдоль КВЖД стал называться Полосой отчуждения и был своеобразным государством в государстве, в котором существовали российские законы, суд, полиция,

железнодорожная охрана, большой штат русских служащих.

Договор с китайским правительством на право экстерриториальности Полосы отчуждения был формально заключен от имени Русско-азиатского банка¹⁾ для О-ва КВЖД, акционерного предприятия, тысяча акций которого принадлежала Российскому правительству. Имущество КВЖД оценивалось в несколько сот миллионов золотых рублей. Первым управляющим КВЖД был назначен генерал Д. Л. Хорват.

Территория Маньчжурии по величине едва ли уступит Западной Европе. Маньчжурия богата хлебом, бобами, полезными ископаемыми, пушным зверем, всякого рода дичью, рыбой и лесом. Жизнь была дешевой и привольной, и край этот издавна привлекал внимание не только Японии и России, но и западных государств. В частности, Франция была заинтересована в КВЖД и номинально считалась ее владелицей, т. к. часть денег Русско-азиатского банка принадлежала французам, хотя управление банком было в руках русских. У Англии и Америки в Китае были коммерческие интересы и, следовательно, они были заинтересованы судьбой Маньчжурии. Американцы были заинтересованы в возможности постройки дополнительных железных дорог в Маньчжурии и их эксплуатации.

В связи с началом постройки КВЖД из России в Маньчжурию приехало много рабочих, служащих, инженеров, и жизни этих

¹⁾ Русско-китайский банк, с развитием межд. операций переименованный в Русско-азиатский.

людей, в большинстве переселившихся из бедных районов Европейской России, могли позавидовать многие. Сейчас некоторые пишут, обвиняя старое правительство во всех существовавших и не существовавших грехах, что беднякам из Полесья и Европейской России не было другого выхода, как ехать в Америку. Они очень ошибаются. Ехать было куда: в Сибирь и Маньчжурию, и кто искал не авантюры и не руководился желанием поболтать по белу свету и сразу разбогатеть в Америке, те находили места для переселения в своей родной стране. И приходится лишь удивляться, что Сибирь таким людям казалась недосягаемой, а Америка за океаном — близкой. Сибирь такая большая, что в нее может вместиться вся Европа и еще останется достаточно места. Разговоры же об умирающих от климата можно отнести лишь к области фантазии.

С окончанием постройки КВЖД в 1903 г. край ожил, население росло быстро, и в течение 50 лет оно увеличилось почти втрое. Маньчжурия настолько богата, что может прокормить население и в несколько раз большее. Миллионы гектаров плодородной земли были не распаханы, и они являлись приманкой для японских фермеров. После японско-русской войны Япония наметила план переселения своих безземельных крестьян в Маньчжурию, но китайцы воспротивились. После долгих переговоров Китай вынужден был дать японским гражданам в Южной Маньчжурии право на жительство, аренду земли и торговлю, но тут же издал закон, карающий смертной казнью за продажу или сдачу в аренду земли иностранцам.

Чтобы дать представление о жизни железнодорожников на КВЖД, сделаем некоторое отступление от темы. Как русские, так и иностранцы, ничего не видевшие, кроме Америки, считают, что на свете не может быть лучшей жизни. Теперь ее, конечно, нет, но она была, была такой, какая иностранцам и не снилась. Счастье не в автомобилях, а в здоровье, хорошей здоровой пище, какую редко сейчас найдешь, в здоровом воздухе, в спокойствии, в отсутствии забот о завтрашнем дне. Сейчас жизнь маньчжурских железнодорожников вспоминается как приятный сон.

Не только в Харбине, но и по всей линии КВЖД железнодорожники получали прекрасное жалование, жили в хороших казенных квартирах с готовым отоплением, освещением, всевозможными привилегиями, в их распоряжении были прекрасные больницы

с наилучшими докторами и сиделками. Погребам ломились от мяса, масла, фазанов и другой дичи, всевозможных солений и печений, ягод, дорогих вин. Все покупалось не фунтами, а пудами или тушами. Хозяйки готовили, не оглядываясь на запасы, и какие вкусные запахи только не неслись из кухонь железнодорожников и не дразнили аппетит полуголодного беженца, проходившего мимо их домов.

Русские вообще отличаются гостеприимством, а таковому наших железнодорожников не было предела. Пировали по всякому поводу: крестин, именин, дней рождения, а на свадьбах гуляли неделями. Все шло своим чередом в изобилии, спокойствии, в уверенности в завтрашнем дне.

Харбин был, конечно, центром всего, но мало в чем уступали железнодорожники в Хайларе и на других станциях. В Харбине, центре этого благодатного мира, находилось главное железнодорожное собрание, русская драма и опера, где выступали знаменитые артисты, цирк, кинематографы, кабаре. Жизнь была ключом, всего было вдоволь и дешево, на всех хватало всего.

Этот особый безмятежный мир жил вдалеке от германской войны, революции, голода и страданий, выпавших на долю российских народов. Казалось, ничто не могло встревожить этот благословенный край и такую же жизнь его обитателей.

II. ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

С окончанием военных действий на Дальнем Востоке появились первые признаки будущих тревожных событий.

После падения Приамурского правительства в октябре 1922 года последние остатки белых армий покинули Владивосток. Каппелевские войска перешли китайскую границу у Хуньчуна и сдали оружие китайским властям. Часть оставшихся белых вооруженных сил и их семьи отплыли из Владивостока на нескольких десятках наспех собранных кораблях, и им пришлось перенести много мытарств и лишений за время этого длительного перехода, который обычно занимал три дня.

Перешедшие границу все белые войска были интернированы и отправлены в лагерь Мукдена. Прибывшие за два года до этого из Забайкалья тысячи военных с семьями тоже прошли через лагерь Цицикара. В таком же тяжелом положении оказывались и одинокие военные и частные, с большими трудностями пробиравшиеся в разные места Маньчжурии.

Китайское правительство отпускало на содержание беженцев средства, едва достаточные для полуголодного существования. Работ не было, люди голодали в буквальном смысле слова и брались за любую работу, лишь бы заработать на кусок хлеба. Полковники и генералы пошли мостить тротуары и мести улицы, их жены и дочери стали прачками и уборщицами. Мировой обществу того времени и в голову не приходило кричать на весь мир о зверствах большевиков и безвыходном положении десятков тысяч нищих и обездоленных русских. Дети не видали хлеба годами и годами же ели китайскую чумизу (вроде миллета) на воде.

Декретом 23-го сентября 1920 года китайское правительство аннулировало признание дипломатических и консульских представительств России в Китае, русские граждане на территории Китая были приравнены к иностранцам, не имевшим прав экстерриториальности, и подчинены китайской юрисдикции. Китайцы закрыли все русские административные учреждения, а их дела передали китайским учреждениям. Все русские дела с этого времени стали подлежать разбору китайского суда, при котором были назначены русские советники из занимавших ранее должности судей, прокуроров и присяжных поверенных. Они помогали в разборах дел русских граждан, но фактически в судебных заседаниях не участвовали. Русские адвокаты, однако, принимали участие в уголовной защите и могли представлять интересы русских в гражданских делах.

В мае 1924 года СССР и Китай договорились о совместном управлении КВЖД, причем советское правительство отказалось от прав экстерриториальности, концессий и боксерской контрибуции. Москва даже предоставила Китаю право выкупа КВЖД в любое время, зная, что у последнего не было на это средств. Новое правление из 10 человек состояло поровну из китайских и советских граждан. На посты начальников, как председателя правления и ревизионной комиссии, назначались китайцы, а их помощниками — советские граждане. Управляющим дороги назначался советский гражданин, пост же помощника управляющего занимал китаец. Почти все посты начальников служб дороги, однако, были заняты советскими. Служить на дороге имели право только советские и китайские граждане. Культурно-просветительные и другие организации могли существовать только с обоюдного разрешения всех членов правления,

но управляющий дорогой обладал широкими полномочиями и мог оказывать влияние на создание таковых.

Первым советским управляющим КВЖД был А. Н. Иванов, по одним источникам, телеграфист с Пермской железной дороги, по другим — Владивостокский портовый грузчик и сотрудник Отдела водного транспорта при ОГПУ.

Вступив в должность управляющего КВЖД, Иванов издал приказ об увольнении всех служащих, не имевших китайского или советского подданства. Бесподанным эмигрантам, желавшим остаться на КВЖД, было предложено перейти в советское подданство. Часть перешла, часть же взяла китайские паспорта, а не желавшие ни того, ни другого ушли со службы на дороге. Указ Иванова был большим ударом для массы старых служащих дороги, привыкших к спокойной и хорошей жизни.

В начале октября 1924 года в особом поезде из Москвы в Харбин прибыли специалисты на различные ответственные должности на КВЖД, специально подготовленные для выполнения коминтерновских задач Москвы в Маньчжурии и Китае.

После аннулирования китайским правительством права экстерриториальности Полосы отчуждения, китайское правительство назначило управляющим КВЖД очень способного и умного русского инженера Б. В. Остроумова²), пользовавшегося большим уважением как русских, так и китайцев. Дела КВЖД при его правлении процветали, жизнь в Маньчжурии была ключом, как и раньше. Несмотря на это, задолго еще до перехода дороги в руки советского управления, советские начали интриговать против правления во главе с Остроумовым. Газета «Новости дня» начала кампанию, обвиняя правление в бесхозяйственности и даже умышленном вредительстве. Начались забастовки, подрывавшие нормальную деятельность дороги.

После увольнения с дороги Остроумова и назначения советского управляющего первым шагом советских властей была попытка провести на пост председателя Ревизионной комиссии генерала Ян Чжо, китайца, выросшего в России. Еще мальчиком он был увезен в Россию Агреновой-Славянской после ее турнэ по Дальнему Востоку, получил прекрасное русское образование, а после революции примкнул к большевикам.

По замыслу Советов, китайский генерал

²) Многим памятно слова Остроумова своему секретарю: «один ум хорошо, а полтора лучше».

Ян-Ву-Тин, начальник штаба маршала Чжан-Цзо-Лина, завербованный ими, должен был поднять восстание в Мукдене, захватить власть, арестовав правительство и подчинив себе армию. Генерал Ян-Чжо должен был занять пост главы правительства так называемой Маньчжурской республики. Заговор, однако, был раскрыт, и оба китайских генерала были казнены.

Приблизительно через год после этого по совету Москвы генерал Го-Сун-Лин поднял восстание против главного правительства Маньчжурии в городе Мукдене и стянул туда свои войска. Маршал Чжан-Цзо-Лин приказал цичикарскому губернатору, генералу Я-Цзинь-Шеню, двинуть свои войска на выручку Мукдена. Советское управление КВЖД воспротивилось передвижению цичикарских войск и приказало закрыть пути на ст. Чуаньченцзы, конечной станции при переходе на Южно-Маньчжурскую железную дорогу. Произошло столкновение цичикарских войск с железнодорожной полицией. Маршал Чжан-Цзо-Лин отдал приказ об аресте управляющего КВЖД Иванова и захвате речного флота дороги и портового оборудования по Сунгари. Советам пришлось на этот раз уступить.

В 1926 году была раскрыта попытка подложить адскую машину во дворце маршала Чжан-Цзо-Лина во время концерта.

Трения между маньчжурскими и советскими властями продолжались. После ареста Иванова и захвата речной флотилии на Сунгари китайцы произвели обыски в помещениях Союза железнодорожников и в харбинском отделении Торгпредства и закрыли транспортную контору Амурского государственного пароходства.

В 1927 году китайские власти потребовали от управляющего КВЖД передать все наличные средства дороги в мукденский банк и перевести финансовые операции на местную, китайскую валюту. Эта мера была вызвана обоснованным подозрением, что управляющий дороги устраивал финансовые манипуляции в пользу Советского Союза. Эксперт при нанкинском правительстве (Дж. Мантель) показал, что советские власти тратили большие суммы на операции, ничего общего не имевшие ни с дорогой, ни с экономикой края.

В декабре 1928 года маньчжурские власти захватили телефонную станцию КВЖД. Действия маньчжурских властей заставили советских руководителей насторожиться.

Прекрасно понимая значение и цели подрывной и разведывательной работы Сове-

тов, китайские власти решили принять меры для ее пресечения и с этой целью направили в Харбин одного из лучших своих специалистов, Чжан-Го-Чена. Для видимости он занял пост начальника отдела департамента просвещения и в помощь себе пригласил несколько эмигрантов, хорошо знакомых с политическим положением в Маньчжурии.

Весной 1929 года Далькрайком устроил съезд сотрудников Коминтерна, проживавших в Маньчжурии. Мукденские власти через русских эмигрантов узнали об этом, а также и о месте совещания, в здании советского консульства в Харбине. В день съезда большой отряд китайской полиции оцепил здание консульства, служащие которого, узнав об окружении, закрылись в здании и не хотели впустить полицию. Только после угроз взломать двери полицейским удалось войти в здание, где служащие спешно сжигали секретные документы.

При проверке в консульстве оказались лица, не относившиеся к его кадрам. Был арестован генеральный харбинский консул Мельников, вице-консул, мукденский консул и другие, а также захвачено большое количество секретных документов, проливавших свет на размах советской подрывной деятельности в Маньчжурии, направленной на свержение китайского правительства и установление советского строя. Одновременно были произведены налеты китайской полиции на советские консульства в Сахалине, Цичикаре и Маньчжурии. После допросов служащие харбинского консульства были освобождены, а лица, не имевшие отношения к консульствам и управлению КВЖД, были увезены в Мукден для суда над ними. Москва заявила протест по поводу обыска и отвергла обвинение в совещании своих (коминтерновских) сотрудников, объяснив присутствие 80 человек в помещении консульства «встречей друзей».

Центральное китайское правительство заявило, что оно одобряет действия мукденского (маньчжурского) правительства и что налет и обыск в консульстве были произведены в связи с поддержкой советским правительством генерала Фын-Юй-Сена, боровшегося с центральным нанкинским правительством.

В первых числах июня 1929 года мукденский генеральный консул Кузнецов был арестован с двумя своими сотрудниками на ст. Хайлар на пути в Москву. При обыске китайцы ничего не нашли, но пока китайцы обыскивали Кузнецова, другой советский консульский служащий пересек советско-

китайскую границу в автомобиле с большим багажом.

Москва опять заявила протест, угрожая расторгнуть договор 1924 года, по которому она отказалась от прав экстерриториальности. Также напомнила о том, что первый

протест (нота Карахана) остался официально без ответа. В действительности же нанкинское правительство не обязано было отвечать, т. к. дипломатические сношения с СССР были прерваны в конце 1927 г.

(Окончание следует)

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Литературное качество «Континента» все падает; *per astra ad aspera*. Не станем отнимать время у себя и читателей, разбирая сплошь скверные стихи в №23. Осудим дикое новшество В. Бетаки: писать название города Кемпер в Бретани (по-бретонски — *Kemper*, по-французски — *Quimper*) как **Кимпер**, вопреки атласам и учебникам географии, а равно и реальному произношению. Не лучше и с художественной прозой. «Кролики и удавы» Ф. Искандера — слабое подражание орвелловскому «Скотскому хутору»; читавшим оригинал — имитация ни к чему.

Погромная статья В. Чалидзе против Солженицына крайне наивна. Он думает, тот изобрел православие, монархизм и русский патриотизм и теперь этими нехорошими вещами разращает с успехом эмиграцию и Россию! На деле сии идеи живут в сердцах по обе стороны Железного Занавеса; сила Солженицына в том, что он их выражает (пока выражает). Сам же Чалидзе (если верить в его искренность) ничего-то, ничегошеньки не понимает в жизни в СССР. Ему мнится, будто народ любит коммунистов и недоволен лишь их отклонениями от светлых идеалов коммунизма да мелкими злоупотреблениями; он де своими ушами слышал! И, ясно, слышал; как и мы все: там приходится критиковать власти эзоповым языком. Другие-то формулы чересчур опасны; а Чалидзе, мазанный тем же марксистским мирром, вряд ли собеседникам из рядовых граждан внушал доверие. Потому же, верно, и альтернативу ему не излагали (да ему бы и не понравилось...). Он готов дозволить православию существовать при условии, чтобы оно ни-ни не вмешивалось в политику (а не то!...); слышим его устами голос нашей родной советской власти! А он пытается **нам** припаять солидарность с большевиками (за то, что мы любим Россию...). Весьма авторитетно товарищ Чалидзе разъясняет Александру Исаевичу, что нельзя бранить Запад; сам переменяв хо-

зяина и служа ретиво новому, он не в состоянии себе вообразить духовной независимости; дива нет. Однако, как он признает, с точки зрения русского народа, с точки зрения антикоммунистов, неудовлетворенность Западом закономерна; добавим, что мы, русские эмигранты, ее чувствовали и выражали задолго до Солженицына. Очень злится Чалидзе, что мы желаем духовного возрождения России, — и спешит нас заверить, что оно невозможно. А вот-таки желаем, хоть ты что! Насчет же невозможности — бабушка надвое сказала: кое-какие признаки есть. Он усердно старается, держа цитаты отовсюду, русским антикоммунистам приписать ненависть к евреям и вообще инородцам. Ее у нас и в помине нету; но когда от имени евреев и национальных меньшинств потоком льют искорбления России и русским, — неизбежно, что иные недалекие люди, не вытерпев, отвечают руганью, кою возводить в степень групповой идеологии — неумно или недобросовестно. Повторим, в который раз: свободная послебольшевистская Россия должна быть общим домом для всех племен Империи, безо всяких национальных ограничений. Исторические вопли Чалидзе против власовцев не удивляют: человек с советским мышлением и не способен думать иначе. Те, кто хочет модифицированного (чуть-чуть!) большевизма, естественно, обязаны в первую очередь сражаться с памятью о старой России, о Белом и о Власовском движениях, а сейчас — бить по Солженицыну и по растущему именно в массах 3-й волны сознанию, что Февраль подготовил Октябрь.

В возражениях Буковского Чалидзе, напечатанных в том же номере журнала, много верного, только жаль, что он ораторствует в тоне пошлого раешника и выказывает себя еще ниже своего оппонента. Его разговоры, будто диссиденты не признают разницы между правыми и левыми, — вне реальности. Имея больше опыта, мы, эмигранты 1-й и 2-й волн (да, полагаем, и бо-

лее толковая часть 3-й), знаем, что без политических идей борьба с коммунизмом немислима вполне.

Статья Р. Днепровы «Власовское ли?» — лучше остальных; факты и мысли, в целом, правильны. Несостоятельно лишь заглавие и предложение упразднить — без скольких-нибудь убедительных оснований! — название «власовцы». Хотя и без него известно, что движение зародилось до Власова и частично шло помимо него.

В «Русской Мысли» М. Сергеев, которого неукоснительно сердят мои замечания о падении культуры в эмигрантской прессе (хотя и не адресованные ему лично), применяет ко мне метод коллективной ответственности, любезный сердцу Гитлера и Сталина, но в корне чуждый русскому духу: перечисляет, в упрек мне, разные языковые погрешности, якобы им обнаруженные у других сотрудников «Голоса Зарубежья». *Voyons, cher confrere*: я же не корректор и не литературный редактор! Ни за промахи, ни даже за мнения моих коллег по данному журналу (и по остальным, где пишу) на меня никак нельзя возлагать вину ни юридически, ни просто по нормам здравого смысла.

Падение-то налицо; чего же на зеркало пенять?! З. Шаховская со свойственной ей неосведомленностью толкует в «Русской Мысли»: название **Малороссия** как **Маленькая Россия**. В действительности, оно — калька с греческого, означающая **исконная, первоначальная Русь**, в отличие от **Великой Руси**, Руси в широком смысле слова; подобно тому, как термин **Малая Греция** в античности относился к **собственно Греции**, а **Великая Греция** — к греческим колониям в Сицилии и Калабрии. Позже-то слова **Великая Россия** приобрели, и впрямь, усилиями наших предков, и иное звучание, которым мы вправе гордиться...

На серьезные опасения наводит нас появление в творчестве той же плодотворной журналистки некоей англо-саксонской дамы по имени: **Сиселы (!) Бок!** Не приведи Бог, известная американская поэтесса превратится скоро в **Эмили Диккинсон**, английская писательница в **Эмили Бронте!** Страницы же переводных романов запестрят мелодичными именами: **Моллы, Поллы и Лилы** (или **Лылы**?)!.. Недавно в одной из своих статей Шаховская без излишней скромности намекала, что считает своей задачей помогать Господу Богу. Благими намерениями, говорят, дорога в ад вымощена. Всегда ли Создатель доволен своей помощницей?..

Вовсе ужасен в «Русской Жизни» от 11 апреля следующий пассаж из-под пера В. Криворотова: «Место ссылки французских преступников всякого рода — остров Гвиана — недаром известен всему свету под названием «острова дьявола». — Всему свету, кроме Криворотова, известно, что Гвиана не остров, а часть американского материка. А вот Куба — остров; и потому не следует писать (как делается в той же газете): «Жители бегут из Кубы». Они бегут, верно, но... с **Кубы**. Что же до такой конструкции, там же, в заметке с описанием несчастного случая: «Он был ударен поездом...» — это уж решительно не по-русски!

Вопреки «Единению», французского следователя по делу Кутепова звали не **Фа По Биде**, а **Фо Па де Биде**.

В помощь живым сотрудникам «Русская Мысль» массивно перепечатывает покойных зарубежных литераторов без большого разбора: уехавшего в СССР А. Ладинского, потрясающе безвкусную заметку Г. Адамовича о Гумилеве (свидетельствующую о полном непонимании критиком поэта и человека, о коем судит, и, особенно, — его места в русской литературе!) и т. д. Его же этюд о Пушкине — натромождение горами нехорошего суесловия. Он опровергает православию Пушкина, глупо лягая о. С. Булгакова и, очевидно, не читавши труд митрополита Анастасия, с мерзким хихиканием кивает на «Гавриилиаду», от которой поэт со стыдом отжегивался. Ответственность за смерть Пушкина он пытается взвалить... на всю Россию! Почему бы наш народ должен брать на себя гнусные интриги узкой группы проходимцев, в большинстве даже нерусских? Попутно презрительные пинки даются Лермонтову, Тургеневу и Короленко, что доказывает только то, что Адамович их не понимал тоже. В чрезмерно же хвалебной статье о Поплавском удивляет его упрек тому за строчку:

Розов вечер, розы носит ветер,

где, якобы, налицо чисто звуковые ассоциации. В часы заката небо бывает розового цвета, и запах цветов усиливается. Это — вполне реалистическое и меткое наблюдение.

Отрывки из биографической повести Ю. Иваска сумбуры и невняты. Почему он в Париже квартировал в **русской женской общине**? И отчего его там окружали **безвозрастные соотечественники**? Цветаева ему почему-то представлялась **без головы** (скорее, наоборот!) и вовсе странно — гово-

рила с ним ломаным языком: «Тишь, Мур спит...). Покойного поэта В. Злобина он называет «немолодым „молодым человеком”». Ах, как остроумно! Мечтою Иваска, оказывается, было жить на окраине Парижа «в лачуге, сложенной из четырех дверей нужника». *Suum cuique!* О советской России «*La Pensee Russe*» трактует обычно с плохим знанием как фактов, так и обстановки.

Приятно прочесть в «Нашей Стране» от 30 мая отличный, дельный и обстоятельно мотивированный анализ Е. Кармазина, в пух и прах расшибающий ложные построения парижской газеты по поводу жизни населения под игом большевизма.

Определенно талантливый Е. Цветков, знакомый нам по рассказам в журналах «Современник» и «Время и мы», превращает в романе-сказке «Лабиринт» (№ 115 «Грани»), жанр символической и фантастической повести (столь заезженный уже 3-й волной!) в нечто волнующее и увлекательное, хотя автор явно еще не нашел себя и далек от создания (как один из его героев) золотой и вечной книги («Лабиринт» можно бы считать подготовительным наброском к таковой). Он пытается сразу сказать слишком много... и говорит слишком мало. Жаль, что он не сосредоточился на самой удачной и больше всего обещавшей части фабулы: изображении культа золотой богини у северных инородцев.

Статья Г. Бонафде «Славянофилы» похвальна желанием их понять и реабилитировать; хуже, что он их понимает слабо и причисляет на свой лад (особенно их политические воззрения). Зато он полностью прав, констатируя, что в наши дни: «Среди свободомыслящей русской интеллигенции разгорелся спор, напоминающий бывшие дискуссии славянофилов с западниками», и что: «При небольшом усилии доброй воли следовало бы понять, что не только побуждения, но и цели, и особенно действия у них могут быть общими».

Интересен отдел библиографии. В рецензии В. Чернявского на «Далекое и близкое» А. Седых содержится абсолютно чудовищное предложение: редактировать отныне произведения эмигрантских писателей с позиций ужасной сверхмодерной и сверхсоветской орфографии, внедряемой сейчас сверху в СССР. Только бы этого нам еще и не хватало! Подобным тенденциям надо оказывать самый решительный отпор. Например, вместо **журналистический** он рекомендует писать **журналистский**. Но **журналисти-**

ческий правильно образовано от **журналистика**, как **публицистический** от **публицистика**, **беллетристический** от **беллетристика** и **новеллистический** от **новеллистика**. А, впрочем, и в СССР не пишут **идеалистский** или **коммунистский**. Поражает и бурное восхищение рецензента по адресу Милюкова, ограниченного фанатика, наделавшего крупных ошибок и в России, и в эмиграции.

Е. Брейтбарт сокрушается, что критики и литературоведы редко ссылаются на работы Ахматовой о Пушкине. А это потому, что ее мнения о людях и событиях — субъективные и ненадежные; ее, как выражается Брейтбарт, «гневные, язвительные, афористичные, беспощадные оценки...» не имеют научной ценности, ибо не согласны с правдой. Право поэта судить о поэтах неприменимо к таким случаям: тут перед нами не поэт, а желчная, брюзгливая, капризная дама.

Поначалу «Эхо» претендовало быть серьезным журналом; теперь, к № 4, оно съехало в словесность заборную, стоящую ниже всякой критики. А. Волохонский и А. Хвостенко перелагают Книгу Бытия для макак. Сотворение Евы описано так:

Господь Адаму придумал даму,
а дальнейшее поведение Адама так:

На Господь-Бога он теперь плюет.

Думаем, что сей сорт богохульства не карается Небесами. Александр II распорядился о купце, публично плюнувшем на царский портрет: «Скажите этому дураку, что и я на него плюю!» Вообще же, стихи в «Эхе», выражаясь словами «Эха» же, суть **куплеты без музыки**.

О литературном критике В. Максимов в интервью «Эху» изрекает, что она нужна только книготорговле. Такая, как в «Эхе», — да; например, В. Марамзин державно и безапелляционно провозглашает А. Платонова **величайшим русским писателем нашего столетия!** Много нужно терпения, чтобы «Эхо» читать. По счастью, прочитанное в нем сразу же и забывается.

Парадоксальным образом № 45-46 «Современника» гораздо больше предшествовавших по объему... и беднее по содержанию! В литературной части взгляду не на чем остановиться: ничего значительного в стихах или прозе (кроме, впрочем, двух стихотворений М. Волковой, имя которой говорит за себя). Много продолжений — того, о чем мы уже отзывались: повести А. Гидони, поэмы В. Перелешина, этюда М. Армалинского (но где же продолжение романа

Л. Фабрициуса?). Что до статей, — сплошная полемика (тем, кто любит данный жанр, советуем ознакомиться!): война на полный ход с «Новым Русским Словом», «Русской Мыслью», «Голосом Зарубежья», «Свободным Словом Карпатской Руси», «Русским Возрождением» et caetera. Г. Румянцева в юбилейной статье по случаю 20-летия журнала полемизирует даже (и весьма резко!) с прежними его редакторами и сотрудниками. Не будем оспаривать ее главный тезис, что эмигрантский журнал не может быть аполитичен: только политическая линия-то бывает разная (и не всегда удачная). Пушкин достаточно выражал свои взгляды, чтобы мы отдавали себе отчет, что ни с какой русофобией он бы никогда не примирился. Да вряд ли бы примирился и Некрасов, на которого тоже ссылается **ответственный секретарь «Современника»**.

Приходящаяся на мою долю полемическая заметка К. Акулы — сплошное недоразумение. Богданович годами, верно, был младше Купалы: но... он умер в 1917 г., а тот — в 1942. Вот почему резоннее считать первого предшественником, а не современником второго, пережившего его на 25 лет, тем более, что между ними пролегла чертою роковая дата революции. Я ничуть не утверждал, будто стихотворение Купалы о сносимых белорусских курганах воспекает коллективизацию (хотя в других Купала ее и воспевал...), почему и сравнивал его с есенинскими. Богданович жил только в царское время и никаким гонениям или утеснениям не подвергался; Купала — и в советское, и его прижимали, как подтверждает сам Акула. Не ясен ли вывод, когда было больше свободы? Сравнить Купалу с Пушкиным вряд ли стоит, ибо он (в отличие от многогранного и подлинно культурного Богдановича) весьма однообразен по мотивам. Грустно, что вместо спокойного обсуждения чисто академических проблем о достоинствах двух выдающихся белорусских поэтов (о которых я отзывался без малейшей враждебности!), Акула быстро скатывается к грубости и оскорблению направленным на меня лично и на Россию и русских — целиком. Почему я — **разъяренный Дон Кихот** (благородный гидальго чаще проявлял не ярость, а доблесть в защиту правого дела, и если не всегда к стати, то тут господин Акула, право же, на него больше похож, чем я!)? При чем тут русский шовинизм? Ведь Богданович был такой же белорус как и Купала! И свое предложение выпить стакан холодной воды мой противник

лучше пусть выполнит сам: я из-за таких предметов не волнуюсь.

Неприятнее всего в номере — «Новые дороги и старые споры» Н. Муравиной, которая на протяжении десятка страниц упорно ездит в **Корсику** и из **Корсики**, вопреки русской грамматике. Столица Острова Красоты именуется по-русски (и по-корсикански!) **Аяччио**; а уж коли Муравина вчистую офранцузилась, писала бы **Ажаксио**, а не **Ажаччо**: так не пишет и не произносит никто! Путевые впечатления ее — свирепая диатриба против корсиканского патриотизма и любого национализма вообще — странная в «Современнике» с его сочувствием всяческим сепаратистам! У корсиканцев причины для недовольства есть, что всем известно; на острове до недавних пор не было ни университета, ни промышленности; местный язык (диалект итальянского, близкий к тосканскому) не преподавался и не имел прав гражданства. Кстати, какие это национальшинства в СССР (или хотя бы в старой России) были насильственно руссифицированы и забыли родной язык? Что-то мы таких не знаем... Вот в Англии вывели до тлаториваллийский язык, и если бы не освобождение Ирландии, ирландский, близившийся к полному уничтожению, теперь бы уже исчез. Если корсиканский писатель, — как рассказывает Муравина, — публикует свои книги по-французски, то не оттого, что не владеет родной речью; а просто — французский книжный рынок куда обширнее (и вопрос тут не в одних деньгах...). Корсика мне знакома, и могу подтвердить, что ее население, от стара до мала, между собою беседует по-корсикански, и лишь с чужими — по-французски. Корсиканские песни живут в устах народа, и их слова и мотивы свежи в моей памяти:

Stammi vicinu; un ti n'anda!
Ti tengu cara...

В «Новом Русском Слове» от 24 и 25 июня Г. Струве посвящает обширное исследование проблеме: Достоевский или Вяземский создал слово **стушеваться**? Выразим предположение: Достоевский услышал его впервые в Главном Инженерном Училище и счел за новинку: но оно, возможно, и прежде бытовало в узком кругу рисовальщиков, чертежников и топографов, в частности, военных, откуда его почерпнул и эпизодически один раз употребил Вяземский. Однако именно Федор Михайлович его ввел в широкий обиход русской литературной речи, за что мы и должны ему быть благодарны. Относительно же происхождения рус-

ского слова, которым затрудняется Струве, позволим себе отослать его к этимологическому словарю Фасмера, где сказано: «тушь из франц. *touché* — то же; возможно

через нем. *Tusche* — то же». Можно добавить (чего у Фасмера нет), что оба эти слова восходят к позднелатинскому *toccare* — «трогать», «касаться».

Письма в редакцию:

Многоуважаемая Вера Александровна!

Не имея надежды на опубликование настоящего письма на страницах «Посева», убедительно прошу Вас опубликовать его в «Голосе Зарубежья».

Как правило, авторы книг не спорят в печати с рецензентами, если их рецензии неблагоприятны, как и не рассыпаются в благодарностях, если рецензии им нравятся. Но бывают исключения, когда рецензент злобно искажает авторский текст и преподносит незнакомому с книгой читателю заведомую неправду. Так случилось с рецензией Г. Бельского на мою книгу «Незримая паутина», опубликованной в майском номере «Посева»:

«Кстати, вскоре после похищения ген. Кутепова зародившийся тогда НСНП на большом и бурном открытом собрании в Париже выступил с разоблачением деятельности внутренней линии РОВСа (документацию, способствующую разоблачению, предоставили Р. Ранчевский и Б. Прянишников). В. Поремский, бывший тогда председателем французского отдела НСНП, в личных беседах говорил ген. Миллеру, ставшему после гибели ген. Кутепова председателем РОВСа, о подозрительном характере деятельности «Внутренней линии»...

Но во-первых, в 1937 г. НСНП (Национальный Союз Нового Поколения) уже именовался НТСНП (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения);

во-вторых, на открытом собрании НТСНП 9 октября 1937 г. читал доклад о «Внутренней линии» я, Б. Прянишников; доклад был

составлен мной совместно с покойным Р. П. Рончевским (а не Ранчевским), а НТСНП был лишь организатором собрания; в-третьих, В. Поремский мог предупреждать ген. Миллера о «Внутренней линии» лишь на основе сведений Р. П. Рончевского, который и сам лично предупреждал ген. Миллера, о чем Г. Бельский умолчал; таким образом, без Р. П. Рончевского и автора этого письма НТСНП вообще ничего не знал бы о «Внешней линии» и никакого разоблачения ее деятельности сделать никак не мог бы.

Тенденция Г. Бельского ясна: приписать разоблачение «линии» безлично НТСНП и лично В. Поремскому.

В рецензии я назван «бывшим членом НСНП», т. е. мой уход из НТС отброшен к довоенным годам. Между тем, я был членом НТС до 10 августа 1954 г.; был в 1945-46 гг. одним из основателей и первым редактором «Посева», а затем, в 1947-49 гг. — редактором газеты «Эхо», основанной в Регенсбурге членами местного отделения НТС.

В свое время Р. П. Рончевский и я спасли НТСНП от захвата «Вн. линией». В 50-х годах мы были вытеснены из НТС новым его руководством, которое теперь препарирует историю по известному советскому образцу.

Примите уверения в совершенном к Вам уважении.

Уважающий Вас

Б. Прянишников.

Сильвер Спринг, 18 июня 1980 г.

СТРАННЫЙ «ЮБИЛЕЙ»

Передо мной номер 45/46 журнала «Современник», выходящего в Торонто. Это — юбилейный номер, журнал справляет свое двадцатилетие.

Номер открывается статьей ответственного секретаря редакции, г-жи Галины Румянцевой, озаглавленной «Двадцать лет спустя».

Признав мимоходом заслути основателя

журнала, покойного проф. Страховского и продолжателя его дела, тоже покойного, Валерьяна Лукьяновича Савина, г-жа Румянцева переходит к «критике». Вот что она пишет:

«Торонтский «Современник» в первые годы существования явно не оправдывал надежд, связанных с его гордым именем. Приданные ему старомодность и «салон-

ность» суживали горизонты журнала, круг авторов и читателей. Чисто журналистская неопытность сказывалась на плохой верстке материалов, бессистемности в их подаче, отсутствии строгих вкусовых критериев при их выборе. Конечно, среди авторов «С.» были талантливые люди и даже авторы с большим литературным авторитетом. Достаточно отметить публикации в журнале Бориса Зайцева, весьма интересных писателей Юрия Трубецкого и Владимира Дукельского, социолога и философа Анатолия Шпаковского, блестящего литературоведа К. Вильчковского. Несомненной заслугой «С.» было опубликование на его страницах произведений З. Н. Гиппиус, прежде не печатавшихся. Однако, наряду с этим, помещались и вещи дилетантские; весьма слабым был критический отдел, направлявшийся таким сомнительным критиком, как Ю. Терапиано. Сам Л. И. Страховский (печатавшийся и под псевдонимом Леонид Чацкий) был, к сожалению, средним стихотворцем и прозаиком. Отдельные материалы попадали в печать по соображениям, далеким от принципиальных, и порой это принимало скандальную окраску. Например, в «С.» № 11 за 1965 год, была напечатана статья Н. Косачевой «Природа в произведениях Чехова», а в номере 16 за 1967 год — ее же статья «Реализм в романе Пушкина «Евгений Онегин» — вещи, стоящие на уровне плохого школьного сочинения.

Когда, перелистывая подшивку старых номеров «С.», натыкаешься, видя «перлы» Косачевой, на блестящую статью К. Вильчковского о Гоголе («С.», № 6, стр. 43-56) или солидное критико-библиографическое исследование проф. В. Седуро «Достоевский в послереволюционной эмигрантской критике», начинаешь поражаться тому, каким шатким было критическое чутье редакции, путавшей плевелы с шедеврами. Разумеется, ни один журнал не застрахован от появления на его страницах слабых материалов, однако в «С.» это объяснялось не случайностью, а господством духа «радения родному человечку», эмигрантских интриг, отсутствием подлинной принципиальности. Все это привело к такому упадку, что в середине 70-х годов встал вопрос о закрытии журнала».

Если вы предполагаете, что я цитирую отрывок из обвинительной речи Вышинского на одном из «показательных процессов», вы ошибаетесь: — это пишет секретарь редакции о бывших редакторах журнала.

Хорошо, рассмотрим обвинения, выдви-

нутые прокурором Румянцевой-Гидони против бывшего руководства журнала «Современник». Итак, она обвиняет бывшего главного редактора, покойного В. Л. Савина, и его сотрудников в том, что они поместили две статьи д-ра Косачевой, — «вещи, стоявшие на уровне плохого школьного сочинения».

Я не собираюсь анализировать эти обе статьи, я даже согласен, в угоду обвинению, предположить, что, возможно, они были ниже стандартов, применявшихся в те далекие времена в журнале.

Тщательно «прочесав» архивы «С.», госпожа Румянцева не могла найти ничего инкриминирующего, кроме этих двух статей. Две ошибки, даже если это действительно ошибки, за пятнадцать лет существования журнала и на 27 вышедших к тому времени номеров, это неплохо, даже очень неплохо. Приношу г-же Гидони-Румянцевой от имени моих предшественников и от моего собственного искреннюю благодарность за блестящую оценку, данную ей нашей работе.

Но недостаток доказательств никогда не смущал советскую прокуратуру. Невольно признав свое бессилие, г-жа Румянцева ищет помощи в риторике и патетически восклицает: «Разумеется, ни один журнал не застрахован от появления на его страницах слабых материалов, однако в «С.» это объяснялось не случайностью, а господством духа «радения родному человечку», эмигрантских интриг, отсутствием подлинной принципиальности».

Я должен возразить г-же Румянцевой: покойный В. Л. Савин, напечатавший статьи д-ра Косачевой, при всей своей доброте отнюдь не был склонен «порадеть родному человечку», если «человечек» этого не заслуживал. Да и подбор материалов для номера журнала всегда происходил на заседании редколлегии, а не в тиши кабинета, где редактор «наедине со своей совестью» решает участь людей и вещей, как это сейчас делается в некоторых журналах.

Что касается «эмигрантских интриг», то сопоставление подобной грязи с именами покойных Страховского и Савина настолько чудовищно и нелепо, что даже не заслуживает ответа.

В одном я должен согласиться с г-жей Румянцевой, а именно; в отсутствии «подлинной принципиальности». Таковой у нас не было и поэтому «С.» не печатал ни кощунственных «трактатов» Гиндина, ни дурно пахнущих опусов Армалинского.

Вторую часть статьи г-жи Румянцевой, посвященную «достижениям» журнала со дня появления в нем «новых людей и новых идей», я не собираюсь комментировать, предоставляя читателям и критикам оценить эти «достижения» по достоинству.

У моих ушедших предшественников нет никого, кто мог бы оградить их честь от незаслуженной клеветы, и поэтому я обязан выступить в защиту их памяти от оскорбле-

ний, наносимых им на страницах журнала, который они создали и которым они же руководили столько лет.

В заключение хочу добавить, что, прочитав статью г-жи Румянцевой, я письменно сообщил гл. редактору «Современника» о моем уходе из редколлегии журнала и из состава его сотрудников.

Л. Фабрициус.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ:

Уважаемая Вера Александровна, мне в руки попал Ваш журнал, несколько номеров с 1976 по 1980 г. Стал читать запоем, удивляясь глубине, истинности, правоте и сожалея, что он слишком до немногих доходит.

Когда мир захлестывают языки красного сатанинства и левого безумия, а хранители демократии оказываются «самыми способными учениками» Дракона из сказки Евгения Шварца, то лишь силами немногих, сохранивших мужество и рассудок, можно избежать тысячелетнего порабощения.

От применения катапульты рабовладельческое общество не становится гуманнее; с ЭБМ и лазером тоталитарная система становится лишь эффективнее. Вне зависимости от технологического уровня лишь Бог и Его законы могут сделать максимальное число людей в обществе счастливыми. Когда нет Бога, есть ненависть и ложь, есть смерть.

Зло — не гадюка в банке. Наивны были полагавшие, что зло можно удержать «в

одной, отдельно взятой стране» — в Германии ли, в России ли. Может меняться тактика, но свойство тоталитарной системы — **экспансия**, цель — **мировое господство**. Как может быть скиррозным и может быть саркомистым. За сколько времени он убьет живое тело — вопрос второстепенный, по сравнению с фактом, что тело погибнет и истлеет.

Зло — дракон на свободе. Не уничтожь его — и он поглотит тебя. А если соизволит позабавиться, то не тебя — твоих детей.

«Голос Зарубежья» толкнул меня к осознанию необходимости **активно бороться** с тоталитаризмом вообще, и с тоталитаризмом красным — в особенности. Мы все — союзники в этой войне — в России, в Израиле, в Камбодже. Союзники — потому что люди. А враги — нечисть, протуберанцы Ада, воплощение сил уничтожения, а не созидания.

И за озарение это — спасибо журналу, спасибо Вам, Вера Александровна.

Ариэль Коэн
(возраст: 21 год).

Информации:

Его Высочество Князь Димитрий Александрович скончался 7-го июля 1980-го года в возрасте 79-ти лет, в Лондоне, где Князь проживал после революции.

Его Высочество Князь Димитрий Александрович был Председателем Объединения Членов Российского Императорского Дома Романовых.

Царство Ему Небесное, и да будет Ему чужая земля легка.

Помолитесь, Русские люди, за Упокой Его Души.

Е. П. З.

О концерте памяти писательницы И. Е. Сабуровой и поэта А. Перфильева

18-го мая с. г. в Доме Свободной России (349, Вест 86-ая ул., Нью-Йорк) состоялся вечер, посвященный памяти писательницы Ирины Евгеньевны Сабуровой и поэта А. Перфильева.

Концерт был открыт вступительным словом поэтессы Нонны Белавиной. Она в кратких чертах упомянула о том, что в лице И. Сабуровой русская литература потеряла искреннюю писательницу незаменимого, оригинального жанра: прозы в рамках стиха, легенды, сказки. Суть самых реалистических произведений Сабурова претворяла в сказку. В лице ее мы потеряли не только талантливую писательницу, но и необыкновенно доброго, чуткого к чужому горю, человека. Во времена гитлеризма И. Сабурова спасла многих евреев от гибели и никому не отказывала в посильной материальной и моральной помощи. Как подтверждение светлого облика писательницы, после доклада поэтессы Н. Белавиной прозвучала «Молитва о кораблях» (в стихах Сабуровой), исполненная с большим чувством певицей Е. Н. Марковской (муз. Э. Р. Зубкович). Необходимо заметить, что композитор Эльза Робертовна Зубкович, присутствовавшая на концерте, была очень дружна с писательницей: они вместе делили невзгоды в послевоенной Германии и Э. Р. Зубкович была одним из первых популяризаторов замечательной книги Сабуровой «Королевство алых башен», давшей ей известность. Талантливый композитор Э. Зубкович переложила на музыку и другие произведения Сабуровой: «Цветы», «Печаль», «Осенние падают листья», «Быть может...» и др. Упомянутые романсы были также пропеты Е. Марковской. Нонна Белавина художественно исполнила три стихотворения Сабуровой и «Королевство алых башен».

Было уделено большое внимание и творчеству поэта А. Перфильева, не только поэта, но и композитора. Свои стихи он перекладывал на музыку. Юная Наташа Ковалевская с большим чувством прочитала в первом и во втором отделениях концерта его

четыре стихотворения. А. Перфильев был первым мужем писательницы, и она после его смерти выпустила сборник его талантливых стихов. Особенно большое впечатление произвели его стихи и музыка — «Одинокая мать». Это произведение было чудесно исполнено известной певицей Л. П. Никольской. Также прекрасно были ею спеты и другие романсы Сабуровой (муз. Э. Зубкович), и, наконец, Л. Никольская закончила концерт трогательным романсом «Пряничное сердце» (слова Сабуровой, муз. А. В. Карповича). Композитор А. Карпович, живущий сейчас около Гамбурга, переписывался с Сабуровой и музыкально оформлял ее произведения. Надо еще отметить прекрасно исполненный Е. Марковской «Ледяной менуэт» (муз. А. Карповича). У рояля была известная аккомпаниатор и музыкант М. А. Раковская.

В конце вечера выступил экспромтом известный критик В. К. Завалишин. В краткой речи он обрисовал облик Сабуровой как писательницы и человека. Он познакомился с ней в Германии сейчас же после своего освобождения из плена, после окончания войны. Сабурова стала помогать ему, как и многим другим освобожденным. Как писательница, по его словам, она еще недооценена. Она сумела слить в одно целое русскую, прибалтийскую и скандинавскую культуры. В будущем ее талант получит должную оценку.

На концерте присутствовала племянница Ирины Сабуровой Инна Павловна Боцагова. Она поблагодарила всех, кто почтил память ее талантливой родственницы своим присутствием.

Выбор произведений писательницы для «ее» концерта был очень удачен: вечер был как бы овеян лирикой ее стихов и прозы. Как будто бы все присутствовавшие зажгли ту «неугасимую свечу» перед ее творчеством, о которой упомянула в своем слове поэтесса Нонна Белавина.

Т. Бернацкая-Иванс.

Памятник Жертвам Ялты в Лондоне

В Великобритании создан специальный Комитет сооружения Памятника Жертвам Ялты.

Созданию Комитета предшествовал воз-

росший интерес к трагедии 1945 г. — насильственной репатриации в СССР казаков и их семей: издание книг и создание фильмов, в частности «Преданы, проданы, выда-

ны» (режиссеры Отто Эднер и доктор Лиднер) и «Приказы свыше», требования полной реабилитации всех выданных в СССР Великобританией и США, ежегодные траурные манифестации в годовщину казачьей трагедии 1945 г., сообщения о них по радио, телевидению и в печати. Комитет обратился к британской общественности о предоставлении ему документальных данных о произведенных после Второй мировой войны насильственных репатриаций в Советский Союз с применением вооруженной силы, что правительства Британии и США старательно скрывали от своих народов как исключительно секретные акции.

Лорд Никлас Беттель, автор книги «Последний секрет», граф Н. Д. Толстой, автор книги «Жертвы Ялты», а также ряд представителей общественных, политических и культурных кругов предложили увековечить память всех выданных в СССР сооружением в Лондоне, в столице Британии, Памятника Жертвам Ялты. Комитет возглавил депутат британского парламента сэр Бернард Брайн. После обращения Комитета и проведенной в прессе кампании начали поступать пожертвования...

Когда же Комитет возбудил ходатайство о постройке Памятника в Лондоне, то министерство внешних дел предложило рабочему правительству Англии отклонить просьбу Комитета, чтобы не раздражать тиранов в Кремле и тем не портить британско-советские отношения.

С приходом к власти консервативной партии и создания ею правительства под руководством лидера партии Маргарет Тэчер Комитет снова возбудил свое ходатайство. Однако высшие бюрократы из министерства внешних дел, особенно же те, которые были «советниками» во время репатриаций, снова рекомендовали отказать в просьбе Комитета. Председатель Комитета сэр Бернард Брайн вместе со своими коллегами-депутатами обратился тогда непосредственно к премьер-министру Маргарет Тэчер, которая лично рассмотрела вопрос, и по ее предложению правительство Великобритании дало разрешение на постройку памятника. При этом она рекомендовала дать под памятник землю Британской Короны в Лондоне. И напрасно чиновники министерства внешних дел пытались предотвратить предоставление этой земли. Премьер-министр Великобритании решительно настояла на своем предложении.

План памятника жертвам Ялты утверж-

ден городским управлением Лондона, и он будет сооружен на земле Британской Короны напротив музея королевы Виктории, на стороне площади, прилегающей к Бронтон Роад.

Мы, казаки, с исключительной благодарностью приветствуем такое решение, которое смывает черное пятно с британской нации, ее грех за выдачу коммунистическим тиранам в Москве всех несчастных людей, которым была уготована горькая участь.

Верховный Атаман-Президент др. В. Г. Глазков после получения извещения о решении правительства Великобритании выразил его главе Маргарет Тэчер от имени всех казаков и казачек и их детей, пребывающих в странах свободного мира, благодарность. Такую же благодарность он выразил председателю Комитета сооружения Памятника Жертвам Ялты сэру Бернарду Брайну и всем членам возглавляемого им Комитета.

Вместе с тем, о решении правительства Великобритании Верховный Атаман-Президент сообщил прессе, радио, а также радиостанциям «Свободная Европа», «Свобода», которые на всех языках народов, находящихся в коммунистическом порабощении, передали за Железный занавес.

При этом следует отметить, что несколько лет тому назад все просьбы поляков и американцев польского происхождения, как и поляков в Британии, о разрешении построить в Лондоне Памятник Жертвам Катыни были несколько раз отклонены рабочим правительством Англии вследствие поступавших протестов из Москвы и Варшавы. В результате поляки все же соорудили такой памятник, но на одном из кладбищ на окраине Лондона...

Главный редактор: В. Пирожкова
Verantwortlich fur den Inhalt:
V. Piroshkova

Адрес редакции: Dr. Vera Piroshkova
Einsteinstr. 104/III
D-8000 Munchen 80
W. Germany
BR Deutschland

Банковский счет —
Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 Munchen, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»
Сан Франциско, Калифорния, С.Ш.А.
GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.
